

ХОЛМИ БЛЭЖ

ХОЛОДНЫЙ ГОРОД

18+

Холли Блэк

Холодный город

«АСТ»

2013

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Блэк Х.

Холодный город / Х. Блэк — «АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-088422-3

17-летняя Тана просыпается наутро после вечеринки и обнаруживает, что все ее друзья убиты вампирами. Вскоре ей придется мчаться наперегонки со временем, чтобы спасти себя, своего бывшего бойфренда, который заражен и вот-вот перестанет быть человеком, и таинственного вампира, на которого объявили охоту его сородичи. Дорога этой странной троицы лежит в Холодный город... Холодный Город опасен и привлекателен. Там не смолкает шум Вечного бала, который начался в 2004 году, и продолжается до сих пор. Великолепный и страшный мир! Попасть туда не сложно. Но выйти за его ворота удастся лишь единицам. «Холодный город» – история о мести и ярости, о любви и самопожертвовании.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-088422-3

© Блэк Х., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	34
Глава 9	35
Глава 10	43
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Холли Блэк

Холодный город

*Посвящается Стиву Берману, вдохновившему меня на историю,
благодаря которой и появился этот роман*

Holly Black

The Coldest Girl in Coldtown

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA*

Глава 1

Умереть в свой срок тоже прекрасно.
Уолт Уитмен

Тана проснулась в ванне – ноги закинута на бортик, холодный металлический кран упирается в щеку. Размеренно падающие капли воды пропитали ткань на плече, намочили волосы. Все остальное, включая одежду, было совершенно сухим, как с облегчением обнаружила Тана. Шея затекла, плечи болели. Она рассеянно посмотрела на потолок, покрытый пятнами плесени, похожими на тест Роршаха¹. Целое мгновение Тана не могла сообразить, где она, затем встала на колени и отодвинула занавеску.

Раковина была завалена пластиковыми стаканчиками, пивными бутылками и грязными полотенцами. Теплый яркий свет летнего солнца вливался в ванную через небольшое окошко над унитазом. Висящая перед окном гирлянда чеснока отбрасывала тень на стену.

Вечеринка. Да, точно. Она была на послезакатной вечеринке.

– Фу, гадость, – сказала Тана, хватаясь за занавеску, чтобы удержаться на ногах. Три колечка оборвались под ее весом. В висках застучало.

Она вспомнила, как собиралась, как надевала бренчащие браслеты, которые и сейчас тихо позванивали, стоило шевельнуться, и чуть ли не час шнуровала бордовые ботинки со стальными носками, которые теперь куда-то исчезли. Тана вспомнила, как подводила свои серо-голубые глаза черным карандашом с блестками и как поцеловала зеркало на счастье. Все остальное было как в тумане.

Тана добралась до крана и плеснула водой в лицо. Косметика размазалась, помада оказалась на щеке, тушь расплылась грязными пятнами. Рукав белого кружевного платья, которое она стащила у матери из шкафа, порван. Черные волосы спутались так, что расчесать их пальцами не удавалось. Она напоминала себе клоуна, которого выгнали из цирка.

Судя по всему, она vyrубилась в ванной, пытаясь избежать встречи с Эйданом и его новой девушкой. А перед этим они играли в алкогольную игру «Дама или Тигр». Правила очень простые: подбрасываешь монетку и угадываешь – орел или решка, Дама или Тигр. Не угадал – выпиваешь рюмку. Потом были танцы и опять виски. Эйдан пытался уговорить Тану уединиться с ними. С ним и его новой девушкой – мрачной, с красными волосами и собачьим ошейником на шее. Он сказал, это будет как затмение луны и солнца, как слияние тьмы и света.

Тана попыталась его отшить: «Это в штанах у тебя затмение», но он продолжал приставать. Виски пел в ее крови, подталкивая к знакомому желанию потерять голову. Трудно отказать Эйдану с его лицом падшего ангела. А еще хуже, что он об этом знал.

Тана со вздохом толкнула дверь ванной. Та даже не была заперта, так что ночью сюда мог войти кто угодно! А она была тут, прямо за шторкой – ужасно унижительно. Она вышла в холл. Запах разлитого пива стоял в воздухе, смешиваясь с другим – металлическим и гнилостно-сладким. В соседней комнате работал телевизор, Тана слышала голос диктора, шел выпуск новостей.

Родители Лэнса не возражали против вечеринок на старой ферме, так что он устраивал их каждую неделю, запирая двери на закате и не открывая их до рассвета. Тана не в первый раз была на такой вечеринке и знала, что обычно утро после нее наполнено криками, очередями в душ и к кофеварке, а также попытками соорудить завтрак из пары яиц и кусочка тоста.

В две маленькие ванны стоят длинные очереди, и если ты надолго задерживаешься, в дверь начинают стучать. Всем нужно в туалет, принять душ и переодеться. Если она все это

¹ Тест Роршаха – картинки с цветными пятнами; используется для тестирования в психологии и психиатрии.

проспала и остальные уже в столовой, над ней будут смеяться. Шутить над тем, как она в отключке лежала в ванне, пока они делали все, что они там делали. Еще наверняка будут фотографии и прочие глупости, которые ей придется выслушивать, когда начнется учебный год. Хорошо еще, что ей усы не подрисовали.

Если бы здесь была Полина, ничего бы не случилось. Каждый раз, чувствуя, что вот-вот отрубятся, они забирались под стол в гостиной, свернувшись, как котята в корзинке, и ни одному парню на свете, даже Эйдану, не хватало смелости поспорить с Полиной – с ее острым языком. Но Полина уехала в свою театральную школу, а Тане было скучно, и она решила пойти на вечеринку одна.

Кухня была пуста. На столе в лужах разлитой выпивки и апельсиновой газировки размокали просыпанные чипсы. Тана взялась за кофейник, когда на черно-белом линолеуме сразу за дверным проемом, ведущим в гостиную, заметила руку – раскрытую как во сне ладонь. Она расслабилась. Все в порядке, просто остальные еще спят. Наверное, она встала первой. Но солнце за окном поднялось уже достаточно высоко.

Чем дольше Тана смотрела на руку, тем четче видела, что кожа на ней какая-то бледная, а ногти отливают синевой. Сердце Таны громко застучало: тело реагировало быстрее, чем сознание. Она медленно поставила кофейник на стол и – один осторожный шаг за другим – подошла к порогу гостиной.

Она заставила себя не кричать.

Бежевый ковер потемнел и затвердел от высохшей крови, разбрызганной, как краска на картине Джексона Поллока. Стены тоже были покрыты кровью, на их неровной бежевой поверхности виднелись отпечатки ладоней. И тела. Десятки тел. Люди, которых она видела каждый день, начиная с детского сада. Люди, с которыми она играла в пятнашки, из-за которых плакала, с которыми целовалась – они лежали в неестественных позах, бледные и холодные, с остекленевшими, как у кукол, глазами.

Рука, которую увидела Тана, принадлежала Имоджин, симпатичной пухленькой девушке с розовыми волосами, собиравшейся в следующем году поступать в художественное училище. Ее рот был полуоткрыт, темно-синяя складчатая юбка с рисунком в виде якорей задралась до самых бедер. Видимо, ее схватили, когда она пыталась отползти – одна рука была вытянута в сторону кухни, другая сжимала ковер. Тана отшатнулась, но тут же собралась с силами и шагнула в комнату.

Тела Отты, Илэйны и Джона лежали рядом. Они недавно вернулись из летнего лагеря чирлидеров и в начале вечеринки крутили сальто на заднем дворе. В теплом предзакатном воздухе пищали комары. Теперь их одежда и волосы были все в запекшейся крови, похожей на ржавчину, а лица покрыты кровавыми брызгами – как веснушками. Глаза распахнуты, зрачки помутнели.

Лэнса она обнаружила на диване, между девушкой и парнем, он обнимал их за плечи. У всех троих была прокушена шея. Рядом стояли пустые бутылки из-под пива, как будто вечеринка продолжалась. Как будто их бледно-синие губы могли в любой момент произнести ее имя.

Тану замутило, комната завертелась. Она опустилась на пропитанный кровью ковер, чувствуя, как в висках стучит все сильнее. На экране телевизора кто-то отмывал кухонный стол оранжевой жидкостью, улыбающийся ребенок слизывал варенье с куска хлеба.

Одно окно было открыто, заметила Тана, занавеска колыхалась на ветру. Вероятно, в маленьком домике стало слишком жарко, все взмокли, захотелось прохладного воздуха. А когда окно уже открыто, так легко забыть его закрыть. В конце концов, есть же чеснок, и оконные рамы вымыты святой водой. Такое могло случиться в Европе, например в Бельгии, где улицы кишели вампирами и магазины закрывались после наступления темноты. Но только не здесь. Не в этом городке, где уже пять лет не было ни одного нападения.

Но все-таки это случилось. Кто-то оставил окно открытым, и вампир пробрался внутрь.

Нужно найти телефон и позвонить – хоть кому-нибудь. Не отцу, он тут точно ничем не поможет. Может быть, в полицию. Или охотникам на вампиров, вроде Хемлока из телевизора – огромного бывшего рестлера с бритой головой и в коже с ног до головы. Он должен знать, что делать. Ее младшая сестра наклеила постер с Хемлоком на дверцу своего шкафчика в школе, рядом с фотографиями золотоволосого Люсьена – самого популярного вампира из Холодного города. Перл была бы в восторге, если бы Тана вызвала Хемлока – она бы наконец получила его автограф.

Тана фыркнула от смеха и тут же спохватилась. Она зажала рот рукой, чтобы заглушить звук. Нехорошо смеяться рядом с мертвыми; это все равно что смеяться на похоронах.

Немигающие глаза друзей смотрели на Тану.

По телевизору шел прогноз погоды: дожди на всю ближайшую неделю. Индекс НАСДАК упал.

Тана снова вспомнила, что Полины не было на вечеринке, и так обрадовалась, что не смогла заставить себя стыдиться этого. Все остальные мертвы, но Полина жива!

Вдалеке, в комнате, где лежали куртки, зазвонил чей-то телефон. Рингтон «Tainted Love» через некоторое время смолк. Но тут же зазвонили еще два телефона, намного ближе, звонки перекрывали друг друга.

Новости закончились, начался сериал про трех парней, которые живут в одной квартире с веселым черепом. Каждый раз, когда череп открывал рот, за кадром раздавался смех. Тана не могла понять, на самом деле она видит происходящее на экране, или ей все это мерещится. Время шло.

Тана стала себя уговаривать: нужно встать, пойти в гостевую спальню, где на кровати свалены куртки, найти свою сумочку, ботинки и ключи от машины. Мобильный телефон тоже там. Он понадобится, если она собирается кому-то звонить.

И сделать это надо прямо сейчас. Хватит сидеть.

Неожиданно Тана подумала, что телефоны есть и ближе. В кармане одного из трупов или между холодной мертвой кожей и кружевом бюстгалтера. Но сама идея обыскивать трупы казалась невыносимой.

«Ну, вставай», – велела она себе.

Она начала пробираться к выходу, стараясь не обращать внимания на чавкающий под ногами ковер и не думать об усиливающемся запахе разложения. Она вспомнила, как в прошлом году в колледже им рассказывали о знаменитом погроме в Корпус-Кристи. Техас решил избавиться от своего Холодного города и ввел туда танки. Днем. Солдаты убили всех людей, которые могли быть заражены, даже дочь мэра. Многих спящих вампиров тоже истребили: вытащили из укрытий и обезглавили или выставили на солнце. Когда стемнело, уцелевшие вампиры перебили охрану и сбежали, оставив за собой десятки обескровленных и зараженных людей. Вампиры из Корпус-Кристи до сих пор были любимой дичью для охотников, которых показывали по телевизору.

Тана и ее одноклассники занимались проектами, посвященными Корпус-Кристи. Она сделала диораму из обувной коробки: внутрь вставила вырезанную из газеты статью о трех вампирах, бежавших из Корпус-Кристи. Они вломились в чей-то дом, убили всех, кто был внутри, и до темноты спали среди трупов. На эту диораму у Таны ушло много красной краски. Теперь, вспоминая тот урок, она вдруг подумала, а что, если где-то в доме прячется вампир? Тот, который убил всех, но как-то упустил ее. Который слишком увлекся кровью и резней, чтобы заглядывать во все кладовки или ванны, и не догадался отодвинуть шторку в душе. А теперь он убьет ее. Если услышит, что в доме кто-то ходит.

Сердце бешено забилося у нее в груди. «Глупая, – говорило сердце, словно стуча в ребра кулаком. – Глупая, глупая, глупая».

Ей хотелось выскочить наружу, перебежать лужайку перед домом и стучать в дверь к соседям, пока они не впустят ее. Но если там никого не окажется дома, то без ботинок, телефона и ключей у нее будут проблемы. Ферма Лэнса далеко от города, а сразу за ней начинается заповедник. Здесь почти никто не живет. И Тана знала, что стоит выйти из дома, и никакая сила не заставит ее вернуться обратно.

Она разрывалась между желанием убежать – или свернуться калачиком, зажмуриться, закрыть голову руками и думать, что если она не видит чудовищ, то и они ее не увидят. Но это ее не спасет. Нужно думать дальше.

Солнце, проникая сквозь кроны деревьев, заливало гостиную. Да, оно уже не в зените, но все равно это солнце. Тана ухватила за эту мысль. Даже если в подвале сидит целый выводок вампиров, они не поднимутся наверх до темноты. Ей нужно следовать первому плану: пойти в гостевую спальню, найти свою обувь, телефон и ключи от машины. А потом, снаружи, можно бояться сколько угодно. Далеко отсюда, в машине с поднятыми окнами и запертыми дверями, можно будет и закричать, и упасть в обморок.

Она осторожно сняла блестящие металлические браслеты, чтобы они не выдали ее звоном. На этот раз, идя через комнату, она старалась не наступить на скрипучую половицу, не выдать себя слишком громким дыханием. Ей казалось, что в темноте распахнуты клыкастые пасти, холодные руки тянутся сквозь линолеум, когти вот-вот вонзятся в нее и утащат вниз, в темноту. Почти вечность ушла на то, чтобы добраться до двери гостевой комнаты и повернуть ручку.

Тут Тана все-таки не смогла удержаться и вскрикнула.

На кровати лежал Эйдан. Его запястья и щиколотки были привязаны к столбикам кровати эластичными шнурами, рот заклеен серебристым скотчем, но он был жив. Несколько секунд Тана просто смотрела на него.

Чтобы закрыть доступ солнцу, кто-то заклеил окна пластиковыми пакетами для мусора. А рядом с кроватью, среди сброшенных на пол курток, сидел еще один парень, в наручниках и с кляпом во рту. Он откинул с лица черные, словно чернила, волосы и посмотрел на Тану. Глаза у него были яркие и алые, как рубины.

Глава 2

*Мы стараемся изо всех сил, чтобы не выздороветь, ведь полное
выздоровление есть смерть.*

Сэр Томас Браун

Когда Тане было шесть лет, вампиров считали персонажами книг или злодеями из мультфильмов, в черных плащах с красной подкладкой. Дети наряжались вампирами на Хэллоуин, надевали слишком большие пластмассовые клыки и мазали лица вишневым сиропом, чтобы было похоже на струйки крови.

Все изменилось с появлением Каспара Моралеса. За последнее столетие появилось слишком много книг и фильмов, романтизирующих вампиров. Ясно было, что рано или поздно вампиры сами начнут романтизировать себя. Сумасшедший Каспар решил, что, в отличие от вампиров предшествующих поколений, он убивать не станет. Он будет соблазнять, выпивать немного крови и продолжать свой путь из города в город. К тому времени, когда старые вампиры поймали его и растерзали, он успел заразить сотни человек. А те, не имея ни малейшего понятия о том, как остановить эпидемию, заразили тысячи.

Первая вспышка эпидемии произошла на родине Каспара – в Массачусетсе, в небольшом городке Спрингфилд. Тане тогда исполнилось семь. От Спрингфилда всего пятьдесят миль до ее города, так что в местных новостях о том, что там произошло, рассказали раньше, чем в центральных. Сначала все решили, что это журналистская утка. Но потом была еще одна вспышка в Чикаго, а потом в Сан-Франциско и в Лас-Вегасе. Девушка, которая пыталась укусить своего партнера по покеру, вспыхнула как факел, когда полицейские вывели ее из казино, чтобы посадить в свою машину. Одного бизнесмена нашли в его пентхаусе в окружении изгрызенных трупов. Маленькая девочка бродила туманной ночью по Рыбацкой верфи²; она тянула ручонки к каждому взрослому, который обещал ей найти родителей, а потом впивалась в горло. Одна стриптизерша решила устроить кровавое шоу и потребовала, чтобы зрители сначала подписали отказ от претензий, потому что после представления они уйдут голодными, ведь это представление, а не банкет.

Районы, где происходило нечто подобное, армия окружила баррикадами. Так возник первый Холодный город.

«Вампиры – это чисто американская проблема», – заявило Би-би-си.

Но следующая вспышка случилась в Гонконге, потом в Йокогаме, Марселе, Бресте, Ливерпуле. В Европе эпидемия распространилась, как лесной пожар.

Тане было десять лет. Она смотрела, как ее мать, сидя за туалетным столиком, собирается на вечеринку. Богатый меценат собирался пожертвовать для ее галереи кое-что из своей коллекции. Мама надела юбку-карандаш и шелковую изумрудно-зеленую блузку без рукавов; тщательно уложила короткие черные волосы. А теперь надевала жемчужные серьги.

– Ты не боишься вампиров? – спросила Тана, прижимаясь к матери. Колготки слегка царапали щеку, пахло духами. Мама рассмеялась, но вернулась с вечеринки уже больной.

Это называли Холод. На первый взгляд ничего страшного – как будто ты просто замерз и простудился. Но это была не простуда. Температура падала, чувства обострялись, жажда крови занимала все мысли. Если инфицированный выпивал человеческой крови, вирус начинал мутировать. Человек умирал, а потом оживал снова. Но становился холоднее, чем раньше. Гораздо холоднее.

² Портовый район на севере Сан-Франциско.

Если верить Центру контроля за заболеваниями, лечение существовало только одно: не давать больному доступа к человеческой крови, пока инфекция не покинет организм. На это требовалось восемьдесят восемь дней. Ни в одной больнице не могли обеспечить условия для такого карантина. Поначалу зараженных Холодом накачивали снотворным, но одна женщина неожиданно вышла из искусственной комы и набросилась на врача. Некоторые подавляли жажду алкоголем или наркотиками, другим ничего не помогало. Если полицейские узнавали об очередном заболевшем, его тут же изолировали и отправляли в Холодный город. Мать Таны была в ужасе. Спустя два дня, когда ее уже постоянно трясло и голод стал нестерпимым, она согласилась, чтобы ее заперли в единственной части дома, откуда она не могла бы вырваться.

Тана помнила крики, которые через неделю начали раздаваться из подвала. Это продолжалось весь день, пока отец был на работе, и вечером тоже. Отец включал телевизор погромче и напивался, чтобы заснуть беспробудным сном. Когда Тана возвращалась из школы, мать кричала и звала ее, умоляла выпустить. Обещала, что будет вести себя хорошо, уверяла, что ей уже лучше, что она выздоровела.

– Тана, пожалуйста! Моя дорогая девочка, ты же знаешь, я не сделаю тебе ничего плохого. Я люблю тебя больше всего на свете. Папа не понимает, что мне уже лучше. Он мне не верит, и я его боюсь! Тана, он хочет, чтобы я осталась тут навсегда. Он никогда меня не выпустит. Он всегда хотел контролировать меня, боялся, что я слишком независимая. Пожалуйста, Тана, прошу тебя! Тут так темно! По мне кто-то ползает, а ты же знаешь, как я боюсь пауков. Милая, родная, помоги мне. Я знаю, тебе страшно, но если ты меняпустишь, мы всегда будем вместе: ты, я и Перл. Будем гулять в парке, есть мороженое и кормить белочек. Будем копать червей в саду. Все будет хорошо. Ты ведь принесешь ключ, правда? Принеси ключ. Пожалуйста, принеси ключ. Пожалуйста, Тана, прошу тебя. Принеси ключ. Принеси ключ!

Тана сидела у двери в подвал, заткнув пальцами уши. По лицу текли слезы, она плакала и не могла остановиться. Малышка Перл нетвердыми шагами подходила к ней и тоже плакала. Они плакали, когда ели хлопья, когда смотрели мультики и когда засыпали, обнявшись, в кровати Таны.

– Пусть она замолчит, – говорила Перл, но Тана ничего не могла сделать.

Ночью отец надевал тяжелые рабочие ботинки и кольчужные перчатки, которыми повара пользуются, когда открывают устрицы, и относил матери еду. Тогда Перл и Тана плакали сильнее всего. Они боялись, что он тоже заболеет. Отец объяснил, что заразиться можно только от вампира, а мама все еще человек. Он говорил, что ее жажда крови почти не отличается от желания грызть мел, которое иногда испытывают беременные женщины. Он говорил, что все будет в порядке, если мама не получит то, чего она хочет, и если Тана и Перл будут вести себя как обычно и никому ничего не расскажут. Ни учителям, ни друзьям, ни даже бабушке с бабушкой. Потому что никто не поймет.

Он говорил спокойно и разумно. Но потом уходил в другую комнату и выпивал полбутылки виски. А крики все не смолкали.

Прошло тридцать четыре дня, прежде чем Тана не выдержала и пообещала матери, что поможет ей выбраться. И тридцать семь, прежде чем сумела вытащить ключи из заднего кармана рабочих штанов отца. Когда он ушел на работу, Тана открыла замки. Один за другим.

В подвале стоял сырой запах земли и плесени. Она начала спускаться по скрипучей деревянной лестнице. Мать перестала кричать сразу, как только открылась дверь. Было так тихо, что шаги Таны казались оглушительно громкими. Она замерла на последней ступеньке.

И тут что-то сбило ее с ног.

Тана хорошо помнила, как зубы обожгли кожу. Челюсти матери еще не полностью превратились в вампирские, но клыки все равно пронзили плоть как два шипа, как жвала огромного паука. Потом губы мягко коснулись раны, опять стало больно, и Тане показалось, будто жизнь стремительно покидает ее.

Тана отбивалась, кричала и плакала, пинаясь и царапаясь. Это только заставило мать вцепиться крепче, разрывая плоть на внутренней стороне предплечья. Кровь брызнула, как струя из водяного пистолета.

Это случилось семь лет назад. Врачи сказали отцу, что воспоминания со временем станут не такими яркими, а огромный уродливый шрам на руке побледнеет, но и то и другое оказалось неправдой.

Глава 3

Смерть – это увядание цветка, который мог бы принести плод.
Генри Уорд Бичер

Глаза Эйдана были широко раскрыты и полны страха. Он пытался разорвать шнуры и что-то сказать сквозь скотч. Тана не могла разобрать слов, но, очевидно, он умолял развязать его, не оставлять тут. Она была готова поспорить – сейчас он раскаивался в том, что забыл о ее дне рождения. И в том, что написал ей в Твиттере о том, что бросает ее. И уж точно раскаивался в том, что наговорил этой ночью. Тана едва не засмеялась снова, но справилась с подступающей истерикой.

Подцепив скотч ногтями, Тана принялась осторожно его отклеивать. Эйдан скривился, быстро заморгал светло-кариими глазами. Звон цепей на другом конце комнаты заставил ее остановиться и поднять глаза.

Это был вампир. Он пытался вырваться из ошейника, мотал головой и пристально смотрел на нее, как будто хотел сказать что-то важное. Когда-то он был симпатичным и даже сейчас сохранил некоторую привлекательность. Полные губы, острые скулы и округлый подбородок. Грязные черные волосы спутались в колтуны. Перехватив взгляд Таны, он пнул кровать, так что та издала низкий гул, и снова потряс головой.

Ну да, конечно, она бросит Эйдана тут только потому, что симпатичный вампир не хочет остаться без обеда.

– Перестань, – сказала Тана, от страха громче, чем собиралась. Нужно перелезть через кровать, добраться до окна, убрать мешки... Тогда он сгорит: почернеет, рассыплется искрами, как умирающая звезда. Она никогда не видела этого вблизи, только на Ютубе. При мысли о том, что придется убить кого-то связанного, с кляпом во рту, и смотреть, как он будет умирать, ей стало нехорошо. Она не была уверена, что сможет это сделать.

«Глупая. Глупая. Глупая», – твердило ее сердце.

Тана снова повернулась к Эйдану, но теперь руки у нее дрожали.

– Тихо, ладно?

Когда он кивнул, она быстрым движением сорвала скотч.

– Ой, – сказал Эйдан. И рванулся к ней.

В этот момент Тана тянулась к шнуру, которым было привязано его запястье. Он застал ее врасплох, она отшатнулась, потеряла равновесие и, вскрикнув, упала на кучу курток. Тупые кlyки скользнули по ее руке рядом со шрамом.

Эйдан пытался ее укусить. Эйдан заразился.

А она шумела так, что все вампиры в доме наверняка проснулись.

– Скотина, – сказала она, защищаясь гневом от нарастающей паники. Заставив себя подняться на ноги, она изо всех сил толкнула Эйдана в плечо. Тот зашипел от боли, а потом улыбнулся кривой застенчивой улыбкой, которой пользовался всегда, когда его ловили на том, чего не стоило делать.

– Прости. Я... я не хотел, я просто... Я просто лежал тут все это время и думал о крови...

Тана вздрогнула. На его гладкой шее не было видно никаких отметин, но его могли укусить куда угодно.

Пожалуйста, Тана, прошу тебя.

Она никогда не рассказывала Эйдану о своей матери, но он знал. Все в школе знали. И он видел шрам – бесформенный блестящий рубец с лиловыми краями. Она рассказывала ему, какие ощущения испытывала иногда – как будто осколок льда застыл в кости под шрамом.

– Если бы ты дала мне выпить немножко... – начал Эйдан.

– То ты бы умер, идиот! И стал бы вампиром.

Тане захотелось ударить его еще раз, но она заставила себя сесть на корточки и стала рыться в куче одежды, пока не нашла сумку с ключами.

– Когда мы выберемся отсюда, ты будешь просить прощения, как никогда в жизни не просил.

Вампир опять пнул кровать, его цепи зазвенели. Тана подняла взгляд. Он посмотрел на нее, на дверь, снова на нее. И широко раскрыл мрачные нетерпеливые глаза.

Теперь она поняла. Что-то приближалось. Кто-то слышал, как она упала. Тана прошла по разбросанной одежде к комоду и придвинула его к двери. По спине струился холодный пот, и Тана задумалась, сколько она еще выдержит, прежде чем сдастся, прежде чем желание спрятаться и свернуться калачиком полностью не завладеет ею.

Она снова посмотрела на парня с красными глазами. Интересно, не был ли он несколько часов назад среди тех ребят, которые пили пиво, смеялись и танцевали в гостиной? Она его не узнавала, но это ничего не значило. Там были и те, кого она не знала и вряд ли вспомнила бы потом – из Конвея или Мередита. Может быть, еще вчера он был человеком. А может быть, он уже лет сто как перестал им быть. Неважно, все равно сейчас он чудовище.

Тана взяла с комода кубок, который отец Лэнса когда-то получил за победу в хоккейном матче. Взвесив его в руке, она направилась к углу, где сидел прикованный вампир. Сердце у нее колотилось, как ставни в ураган.

– Я собираюсь вытащить кляп. И если ты попытаешься укусить меня или схватить, или еще что-то, я врежу тебе этой штукой. Так сильно, как только смогу, и столько раз, сколько будет нужно. Ясно?

Он кивнул, глядя на нее красными глазами.

Тана коснулась его шеи в поисках узла, державшего кляп. Кожа была белая, как воск, и прохладная на ощупь. Она никогда еще не была так близко от вампира и не представляла, на что это похоже – находиться рядом с существом, которое не дышит и может застыть, как статуя. Его грудная клетка не двигалась. Руки Таны задрожали.

Ей показалось, что она слышит в глубине дома скрип, будто где-то открылась дверь. Тана стала быстрее развязывать узлы, хотя делать это приходилось одной рукой. Она очень пожалела, что не захватила с кухни нож. Он бы пригодился гораздо больше, чем позолоченный оловянный кубок.

– Слушай, мне жаль, что так вышло, – донесся голос Эйдана с кровати. – Я плохо сообщаю, правда. Но это не повторится! И я бы никогда не причинил тебе вреда...

– Ты не очень похож на человека, способного справиться с искушением, – сказала Тана.

Он усмехнулся, потом закашлялся:

– Ну да, я скорее кинусь ему навстречу с распростертыми объятиями, верно? Но я говорю правду, поверь мне. Я сам испугался. Я больше не буду делать ничего такого.

Заразившиеся, стоит им освободиться, нападают на своих близких. Этих историй столько, что даже в новостях о них уже рассказывают в самую последнюю очередь. Но ученые продолжают утверждать, что не все вампиры – чудовища. «Теоретически, – пишут они, – когда их голод утолен, они остаются теми же людьми, какими были раньше. С теми же воспоминаниями и нравственными принципами».

Теоретически.

Наконец узел поддался. Тана отпрыгнула назад, но парень только выплюнул кляп.

– Уходите через окно, – сказал он с небольшим акцентом, который Тана не могла узнать; Ясно было одно – это не местный парень, которого заразили ночью. – Идите. Они двигаются быстро, как тени. Если они войдут сюда, вы не успеете убежать.

– Но ты...

– Накрой меня толстым одеялом или двумя, это защитит от солнца.

Он выглядел едва старше Эйдана, но спокойный и уверенный голос свидетельствовал о большом опыте. Тана стало легче. Хоть кто-то знает, что делать. Пусть этот кто-то и не она. Пусть этот кто-то и не человек.

Теперь, вновь оказавшись вне его досягаемости, Тана осторожно поставила кубок обратно на комод, туда, где его найдут родители Лэнса и... Тана остановилась, заставив себя сосредоточиться на *здесь и сейчас*.

– Почему ты в цепях? – спросила она.

– Связался с плохой компанией, – ответил он без всякого выражения, и она не поняла, шутка это или нет. Ей стало не по себе при мысли, что у вампира может быть чувство юмора.

– Постой, – произнес Эйдан с кровати. – Ты не знаешь, что он может сделать.

– Зато мы знаем, что сделал бы ты, правда? – доброжелательно заметил вампир.

Солнце уже опускалось к деревьям на горизонте. У Таны оставалось не так много времени на размышления. Нужно было рискнуть.

На кровати под Эйданом лежало одеяло, она принялась его вытаскивать.

– Я пойду к машине, – сказала Тана обоим. – Потом подъеду к окну, и вы оба заберетесь в багажник. У меня есть монтировка. Надеюсь, я смогу разбить ею цепи.

Вампир ошарашенно посмотрел на нее. Затем взглянул на дверь, и на его лице появилось хитрое выражение:

– Если ты меня освободишь, я смогу удержать их.

Тана покачала головой. Вампиры сильнее людей, но не настолько, чтобы справиться с железом.

– Ты останешься в цепях. Но отсюда я тебя заберу.

– Ты уверена? – спросил Эйдан, – Габриэль все-таки вампир.

– Он предупредил меня о тебе и о них. Хотя не должен был. Я не собираюсь платить за это... – ответила Тана. Потом умолкла и нахмурилась: – Габриэль?

– Это его имя, – вздохнул Эйдан. – Габриэль. Другие вампиры так его называли, когда привязывали меня к кровати.

– А! – последним рывком она вытащила одеяло и бросила его Габриэлю.

Сердце бешено билось у нее в груди, но теперь к страху примешивался азарт. Она всех спасет.

Внезапно за дверью послышался шорох, ручка начала поворачиваться. Тана вскрикнула, запрыгнула на кровать и, перескочив через Эйдана, бросилась к окну. Мешок для мусора легко оторвался, впустив в комнату золотой свет вечернего солнца.

Габриэль зашипел от боли и плотнее завернулся в одеяло, стараясь спрятаться за комод.

– Солнце еще высоко, – закричала она срывающимся голосом. – Не входите!

Движение за дверью прекратилось.

– Ты не можешь оставить меня здесь! – сказал Эйдан, когда Тана налегла на раму, за долгие годы разбухшую от дождей. Мышцы горели огнем, она еще раз дернула раму, пытаясь поднять ее вверх. С громким скрипом та немного приоткрылась. Хоть бы этого хватило.

Прохладный ветерок пах жимолостью и свежескошенной травой.

Посмотрев на кучу из одеяла и курток за комодом, где прятался Габриэль, Тана сделала глубокий вдох.

– Я не оставляю тебя, – сказала она Эйдану, – обещаю.

Сегодня больше никого не убьют. Только не тех, кого она может спасти. Уж конечно не человека, которого она когда-то любила (или думала, что любит), даже если он оказался ничтожеством. И не мертвого парня, который дает хорошие советы. И, как она надеялась, не ее.

Наклонившись вперед, она высунулась в окно, не обращая внимания на старую краску и занозы от посеревшего со временем дерева. Тана бросила сумочку вниз, а затем ей пришлось немного поерзать, чтобы пролезли грудь и бедра, ухватиться за обшивку стены и под-

тянуться вперед. Падение в кусты вниз головой было коротким, но болезненным. Несколько секунд солнце казалось слишком ярким, а трава слишком зеленой. Тана, чувствуя себя ослепленной, перекатилась на спину.

Она была в безопасности. По небу плыли мягкие, похожие на сахарную вату облака, превращаясь в горы, в крепости, в распахнутые рты, полные острых зубов, в руки, тянущиеся с неба, в языки пламени...

Порыв ветра заставил ветви деревьев вздрогнуть и сбросить вниз несколько ярко-зеленых листьев. В траве рядом с плечом Таны зажужжала муха, заставив ее подумать о телах внутри дома, о том, как другие мухи садятся на них, о белых полупрозрачных личинках, которые вылупятся из яиц и начнут проделывать ходы в плоти, бесконечно размножаясь, пока не покроют комнату шевелящимся ковром. А потом не останется никаких звуков, кроме жужжания прозрачных крыльев.

Тана задрожала, как деревья, стоявшие вокруг. Руки и ноги затряслись, накатил такая волна тошноты, что она едва успела подняться на колени, прежде чем ее вырвало в траву.

«Ты обещала, что можно будет перевести дух», – напомнила ей какая-то часть сознания.

«Не сейчас, не сейчас», – сказала она себе, хотя сам факт попытки заключить сделку с собственным мозгом свидетельствовал, что дела не слишком хороши.

Встав на ноги, Тана попыталась вспомнить, где остался ее автомобиль. Она спустилась по газону к ряду оставленных вчера машин и пошла вдоль него, прикасаясь к капотам. Каждый раз, когда она замечала оставленные внутри вещи: свитера, книги, бусы на зеркалах заднего вида – мелочи, за которыми хозяева никогда не вернутся, – опять поднималась волна тошноты. Наконец она добралась до своего «Форда Краун Виктория», открыла скрипучую дверцу и скользнула на переднее сиденье, вдыхая знакомый запах бензина и масла. Она купила машину за тысячу долларов на свой семнадцатый день рождения и покрасила царапины желто-зеленой краской, так что она стала похожа на побывавшую в руках вандалов полицейскую машину. Отец помог перебрать мотор – в один из тех коротких периодов, когда он в очередной раз вышел из горестного забвения и вспомнил, что у него есть дочери.

Машина была большой, тяжелой и расходовала бензин с неутолимой жадой. Захлопнув дверь, Тана впервые с тех пор, как вышла из ванной, – а возможно, даже с тех пор, как приехала на вечеринку, – почувствовала, что контролирует ситуацию. И задалась вопросом, как долго это продлится.

Глава 4

Почему бояться смерти? Это самое прекрасное приключение в жизни.

Чарльз Фроман

У Таны был секрет, о котором она никому не рассказывала – сон, повторяющийся снова и снова. Иногда она могла не вспоминать о нем несколько месяцев, а иногда он целую неделю снился ей каждую ночь. В этом сне они с матерью были вампирами – одетыми в просторные белые платья с рюшами на вороте и подоле.

Они бегут сквозь ночь, словно в страшной сказке, где говорится о крови, зимних лесах и о девушках с черными, как вороново крыло, волосами, алыми, как розы, губами и острыми белыми, как молоко, зубами.

Каждый раз они заражаются по-разному, но обычно первой заболевает Тана. Эта часть всегда обходится без деталей: она никогда не помнит, ни как это вышло, ни кто на нее напал. Каждый сон начинается с того, что отец тащит ее в подвал, говоря, что не выпустит никогда, никогда, никогда. Тана может плакать, умолять, сходить с ума от горя, заливаясь слезами, но его сердце остается каменным. Наконец он устает от ее рыданий и толкает с лестницы.

Она бьется головой о деревянные ступеньки, хватается за перила, чтобы удержаться. Ногти скользят по перилам, но зацепиться она не может. И падает на пол, не в силах дышать.

А потом она садится на холодный пол. Пауки ползут по рукам, где-то в темноте шуршат жуки. Из темноты с писком прибегают мыши и утаскивают в свои гнезда пряди ее волос. Наверху плачет сестра, а мать требует, чтобы отец выпустил Тану. Но каждый раз, когда она называет его жестоким, он вешает на дверь еще один замок, пока их не становится тридцать: тридцать медных замков и тридцать медных ключей. Каждый день он вынужден открывать их все, чтобы оставить на верхней ступеньке миски с водой и кашей, а потом снова запирает дверь на все замки.

Наконец Тана заучивает все звуки открывающихся замков и однажды неслышно поднимается по лестнице с первым поворотом ключей. Отец осторожен, но недостаточно. Когда дверь открывается, Тана прыгает на него. Они катятся вниз по лестнице. Когда она приходит в себя, она уже вампир, а отец лежит рядом без сознания.

Потом мать спускается в подвал и обнимает мягкими теплыми руками. Она говорит, что все будет хорошо и они скоро уедут, но Тане нужно сначала ее укусить. Мать настаивает, говорит, что не сможет так жить – волнуясь, как там ее дочь одна в этом мире, говорит, что хочет всегда быть с ней. Иногда она даже умоляет.

Пожалуйста, Тана, прошу тебя.

Тана всегда кусает ее. Когда она была маленькой, ей снилось, что кровь на вкус как клубничная газировка: если пить слишком быстро, от холода начинает болеть голова. Став старше, она как-то лизнула порез на пальце, и этот вкус – меди и слез – остается в ее снах навсегда. Потом мама кусает лежащего без сознания отца – ей ведь нужна человеческая кровь, чтобы стать вампиром, и это не страшно, потому что от тех, кто еще не до конца превратился, заразиться нельзя. После этого они укладывают его в кровать: наверное, ему нужно отдохнуть. Он спокойно спит, пока Тана с матерью объясняют Перлу, что они вернутся, когда она станет старше. А потом надевают длинные платья и бегут в ночь, чтобы вместе охотиться на ночных улицах.

Они становятся хорошими вампирами, как те ученые, которые заражали себя, чтобы изучить болезнь, как те вампиры, которые сами охотились на вампиров, как та женщина из Греции, которая продолжала жить со своим мужем – она ночью готовила еду, чтобы он днем поел,

пока она спит в свежей могиле в подвале. Тана и ее мама становятся такими, и они никогда никого не будут убивать, даже случайно.

Во сне все удобно, все совершенно и продолжается вечность.

Во сне мама любит ее больше, чем кого-нибудь или что-нибудь. Больше собственной смерти.

«Я не хочу быть вампиром», – снова и снова говорила себе Тана. Но во сне это было не так.

Глава 5

Тот, кого любят боги, умирает молодым.

Менандр

Пересекая на машине газон перед домом Лэнса, Тана переехала свернутый шланг и клумбу с нарциссами, которые посадила его мама. Дала задний ход и подъехала вплотную к стене. Коснувшись ее бампером, она залезла на багажник и начала протискиваться обратно в окно, на этот раз с монтировкой в руках.

Ей пришлось изрядно попрыгать и покрутиться. Когда она – далеко не с первой попытки – оказалась с исцарапанными икрами и руками внутри, то поняла, что в комнате темнее, чем было. Тени становились длиннее; день неотвратимо превращался в вечер. Уже, наверное, больше шести. А то и семи. В воздухе стоял тяжелый запах смерти.

– Тана, – произнес Эйдан, увидев ее. – Тана, они зайдут сюда, как только стемнеет. Они так сказали. – Он был бледен и тяжело дышал; ему явно стало хуже, чем когда Тана уходила. – Мы умрем, Тана.

– *Condamne2 a1 mort*³, – раздался скрипучий голос из-за двери. Она слышала, как твари перешептываются в коридоре, как они, изнывая от голода, ждут, когда солнце сядет.

Ее руки задрожали.

Она повернулась к Габриэлю, который сидел в углу, как нахохлившаяся ворона, и смотрел на нее жуткими красными глазами:

– Что это значит?

– Здесь так много солнечного света, – крикнул он из своей кучи курток и одеял тем, кто был за дверью. – Входите! Я так хочу посмотреть, как ваша кожа покроется волдырями. Я так хочу...

– Замолчи, – оборвала она его в панике. Она не знала, что делать, если вампиры войдут. Наверное, бежать. Бросить их.

Эйдан снова попытался освободиться.

– Они говорят с ним на разных языках. Чаще всего по-французски. Я слышал что-то про Клыка Айстры. Мне кажется, у него проблемы.

– Это правда? – спросила Тана.

– Ну, не совсем, – ответил Габриэль.

Тана вздрогнула и с тоской взглянула на окно и свою машину за ним. Клык Айстры? Она как-то смотрела передачу под названием «Поднимая завесу: тайны вампиров до того, как они захватили мир». На экране двое в твидовых пиджаках рассказывали о своем исследовании. Они пытались понять, как вампиры умудрялись прятаться столько лет. Судя по всему, раньше несколько древних вампиров правили огромными территориями, как грозные владыки, а другие вампиры были их слугами. Они питались только теми, кого не станут искать, и всегда убивали своих жертв. Но если происходила ошибка, и жертва успевала прожить достаточно долго и выпить человеческой крови, то Клык должен был найти недавно обращенного вампира и уничтожить всех, кого он успел укусить за свою недолгую, полную голода жизнь. Для старых вампиров стать Клыком было и наказанием, и честью.

Мужчины в твиде посмеивались над тем, как нелегко приходилось всем этим Клыкам, когда Каспар Моралес начал свое мировое турне, и как они забегали, пытаясь остановить эпидемию.

³ Приговоренный к смерти (фр.).

Клык Айстры, судя по всему, сошел с ума из-за этого. В той программе показывали размытое видео встречи под кладбищем Пер-Лашез в Париже. Пока элегантно одетые вампиры обсуждали дела, Клык сидел в клетке и смеялся, по его лицу и телу стекала кровь. Увидев оператора, он засмеялся еще громче. Каким-то образом Клыку удалось подтащить его к клетке, и, страшно взыв, он вцепился несчастному в горло. Тана видела лица других вампиров: это напугало даже их.

– За тобой охотится Клык Айстры? – спросила Тана. Было жутко даже думать о вырвавшемся из клетки Клыке. – И ты говоришь, что это не проблема?

Габриэль молчал.

Может, лучше оставить его тут? Развязать Эйдана и убраться прочь, даже если это означает, что она бросит скованного вампира в одиночку разбираться с теми – неизвестно, сколько их там, – кто ждет за дверью. Даже если это нечестно.

Она набрала в грудь побольше воздуха:

– Последний раз спрашиваю. Тебе нужна помощь?

Выражение лица Габриэля стало очень странным, как будто она дала ему пощечину.

– Да, – наконец сказал он.

Наверное, дело было в том, что все остальные мертвы, и она тоже чувствует себя не совсем живой, но ей казалось, что вампир заслуживает спасения. Может быть, его следовало оставить тут, но она знала, что не сделает этого.

Она обошла Габриэля, пытаясь понять, как он скован. Одна из тяжелых цепей была обвита вокруг ножки кровати; толстые железные наручники на запястьях были прикованы к стальным манжетам на щиколотках. Проще всего освободить его, подняв кровать – он сам бы это сделал, не будь его руки в цепях, – но Тана не была уверена, что у нее хватит сил. И точно не сейчас, когда на кровати лежит Эйдан.

– Ты уверен, что сможешь удержаться и не укусишь меня? – спросила она.

Эйдан молчал достаточно долго.

– Не знаю.

Ну, хотя бы честно.

Тана схватила кляп Габриэля из кучи вещей на полу и забралась на кровать.

– Ты не так давно заразился. Попробуй, – сказала она. Наклонившись, она быстро заткнула Эйдану рот, закрепив кляп двойным узлом на затылке так, чтобы от него нельзя было быстро избавиться. Во всяком случае, она на это надеялась.

Он не двинулся, не попытался ей помешать. Закончив с кляпом, она отвязала шнуры, удерживавшие его ноги. Это получилось быстро, они держались только на крюках. Но при этом ей пришлось забраться на Эйдана, и тот, несмотря на то что был болен и в опасности, все-таки поднял бровь и ухмыльнулся.

Тана как раз собиралась что-то сказать по этому поводу, когда заметила на его левой лодыжке окруженные небольшими синяками следы клыков. Запекшаяся кровь тоже казалась синеватой. Тана резко втянула воздух, но промолчала и не стала прикасаться к местам укусов. Ей казалось, что она проникла в какую-то очень личную, интимную тайну.

Потом, поскольку других вариантов не предвиделось, она развязала Эйдану руки. Он сел, опершись на спинку кровати, и потер запястья. Спутанные каштановые волосы падали ему на лицо, как будто он только что проснулся.

«Теперь пусть они заберутся в машину, – сказала она себе. – Запри их в багажнике и уезжай. Разбираться со всем этим будем не здесь».

– Если попробуешь вытащить кляп, получишь монтировкой, – сказала Тана, подняв ее с пола и угрожающе (по крайней мере, она на это надеялась) зажав в руке.

Говорить он не мог, так что издал звук, который Тана решила принять за согласие.

– А теперь ты поможешь мне снять цепь Габриэля с ножки кровати.

Эйдан изо всех сил замотал головой.

– У нас нет времени спорить, – напомнила она.

Эйдан опустил плечи и тяжело вздохнул. Тана пристально посмотрела на него, и он нехотя взялся за изножье кровати. Тана опустилась на колени, так что когда Эйдан поднял кровать, она смогла вытянуть из-под нее тяжелую цепь. Девушка отпрыгнула, а Эйдан отпустил кровать. Та с грохотом опустилась на вздрагнувшие половицы.

Вампир сдвинулся с места, поднимая цепь. Звенья жутковато зазвенели, этот звук напомнил Тане фильмы ужасов про средневековые подземелья.

Он поднял все еще скованные руки.

Эйдан попытался что-то сказать сквозь кляп, и Тана сумела распознать сарказм.

– Вон там рулон мусорных мешков, которые были на окне, – сказала она, указав на кучу брошенных вампирами вещей. – Может быть, если мы обмотаем тебя, ты окажешься в безопасности, даже если одеяло соскользнет. Закрепим их скотчем. Если, конечно, ты не против того, чтобы выглядеть глупо.

Вампир улыбнулся, не открывая рта.

Тана передала мешки и скотч Эйдану. Усевшись на корточки, тот начал сооружать на Габриэле что-то вроде полиэтиленовых доспехов. Тана была права – вампир выглядел глупо даже без одеяла.

– Будьте осторожны, – сказал Габриэль, – ведь если со мной что-то случится...

– Мы будем осторожны, – ответила она. – Не беспокойся.

– Тана, послушай, вы должны быть очень осторожны со мной, – повторил он.

Он впервые назвал ее по имени. Произнесенное со странным акцентом, оно показалось ей чужим.

– Мы не дадим тебе стореть, – сказала Тана, обшаривая карманы брошенных курток и сумочки в надежде, что хоть кто-то из ее друзей захватил с собой нож. – Хотя ты вампир и, наверное, заслуживаешь этого.

«Прости меня, – говорила она про себя каждому, роясь в их вещах. – Прости, Корни. Прости, Маркус. Прости, Рейчел. Прости, Джон. Простите, я жива, а вы умерли. Простите, что я заснула. Простите, что я вас не спасла. Простите, что теперь я беру ваши вещи. Простите меня. Простите меня. Простите».

Ножей не было. Она нашла только шнурок с символами разных религий мира, включая украшенный стразами глаз дьявола, и пузырек со святой водой, в котором плавал кусочек ветки с шипами.

В любом случае защита лишней не бывает, так что Тана взяла воду и шнурок, засунув их к себе в сумочку. Потом она взяла сотовый Рейчел Мельтцер, набрала 911 и бросила его на кровать.

За дверью закрипел пол.

– Мышка-мышка, – раздался голос через замочную скважину, – разве ты не знаешь, что чем больше сопротивляешься, тем больше это нравится коту?

Эйдан всхлипнул сквозь кляп. Тана почувствовала, как ее накрывает волна страха, всепоглощающего животного ужаса. Там, с другой стороны, были существа, способные думать и говорить, и они хотят убить ее и съесть. Несколько секунд она не могла двинуться с места.

Затем, преодолев страх, Тана повернулась к окну, где первые лучи заката превращали деревья в золотые изваяния. Ночь приближалась.

– Пора идти, – сказала она Эйдану. Тот еще не закончил обматывать Габриэля пакетами так плотно, как ей хотелось бы. Тана подняла монтировку и ударила ею по стеклу, разбив и раму. Осколки осыпались на пол мерцающей кучей.

– Уходим! – закричала она. – Сейчас! Эйдан, идем. Помоги Габриэлю.

Из телефона на кровати раздался далекий металлический голос оператора.

– В чем ваша проблема? Здравствуйте, это 911. В чем ваша проблема?

– Вампиры! – крикнула Тана, бросая в окно ботинки и монтировку.

Эйдан помог Габриэлю, завернутому как мумия, подняться на ноги, и они двинулись к окну. Тана не знала, достаточно ли мешков для защиты, но выбора уже не было. Ее трясло от желания отказаться от сложных планов спасения и просто выбраться на газон и броситься прочь.

– Эйдан, ты первый, – сказала Тана, прерывая бег своих мыслей и пытаясь подавить страх. – Кому-то придется поддержать Габриэля.

Эйдан кивнул, перекинул ноги через подоконник и оглянулся, как будто пытаясь что-то решить. Затем он спрыгнул, тяжело приземлившись на крышу «форда».

За спиной Таны раздался треск дерева, будто в дверь ударили чем-то тяжелым.

– Нет, – тихо проговорил она. – Нет, нет.

– Бросьте меня, – сказал Габриэль.

Что-то опять ударило в дверь, и комод рухнул на кровать. Заставляя себя не оглядываться, Тана подтолкнула завернутого в мешки вампира к окну.

– Заткнись, а то я так и сделаю, – сказала она. – Теперь сядь, перекинь ноги на другую сторону и прыгай.

Габриэль полез в окно, Тана придерживала вампира, а Эйдан снаружи ловил его за ноги. Она сделала глубокий вдох и, надеясь, что мешки, скотч и одеяло выдержат, отпустила.

Эйдан помог Габриэлю приземлиться на багажник.

Дверь комнаты раскололась надвое.

«Не останавливайся, – сказала себе Тана. – Не оглядывайся».

Но не смогла сдержаться.

На пороге стояли двое: мужчина и женщина. Лица у них были круглые и розовые, распухшие от выпитой крови. Рыжие пятна покрывали рты и острые зубы, одежда почернела и задубела от крови. Они не были похожи на стильных красивых вампиров, которых показывали по телевизору; они пришли из кошмарных снов и теперь направлялись к ней, пробираясь между брошенными куртками, отшатываясь от бледных пятен света.

Тана полезла в окно. Руки тряслись так, что она едва сумела ухватиться за подоконник. Она бросилась вперед. На ее щиколотке сомкнулись пальцы, потянули назад, в комнату. Она пнула того, кто ее держал. Зубы оцарапали ее ногу, но она вырвалась. Позади раздался высокий пронзительный крик боли. Тана вывалилась на газон, промахнувшись мимо машины. Она упала на землю, приземлившись на спину, удар вышиб весь воздух из легких. Перекатилась на бок, глядя на газон, на котором сверкали осколки стекла, словно кто-то расшвырял пригоршню алмазов.

– Господи! – закричал Эйдан, запустив пальцы в волосы. – Ты бы видела, как у него вспыхнула рука. Он чуть не поймал тебя.

Она, пошатываясь, встала на ноги. Свежая царапина на ноге горела огнем. Ее снова начало трясти.

– Думаю, он меня задел.

– Что? – Эйдан шагнул к ней, но Тана покачала головой.

– Не сейчас, – сказала она. Машина была рядом. Они почти спаслись. – Помоги мне с багажником!

Закутанный в одеяло Габриэль казался трупом, от которого собиралась избавиться пара убийц. Свернувшись, он лежал на боку, спиной к солнцу. Тана и Эйдан вместе подняли его и потянули с машины. Но, как они ни старались быть осторожными, Тана споткнулась и дернула не в ту сторону. Мешки разорвались, ткань распахнулась. Тана упала на траву, успев заметить бок и руку, чернеющие на солнце. Свет, казалось, пожирал плоть. Прежде чем она успела что-

то предпринять, вампир перекатился на бок, прижимаясь открытым боком к земле и пряча его от солнца.

– Габриэль? – окликнула его Тана, поднимаясь на ноги и оборачивая вампира одеялами. Тот попытался встать.

Шатаясь от усталости, они без особых церемоний втокнули Габриэля в багажник. Эйдан захлопнул крышку с улыбочкой хорошего парня, который собирается сделать что-то плохое. Кляп, вытащенный изо рта, он держал в руке.

– Эйдан, – сказала она, отступая на шаг. В ее голосе слышались одновременно раздражение и страх. – Эйдан, у нас нет времени. Забирайся в багажник вместе с ним. Я не смогу вести машину, зная, что ты хочешь на меня напасть.

– Ты себя видела? – спросил он странным, мечтательным голосом. – Ты вся в крови.

Она опустила глаза и поняла, что он прав. Ее руки и ноги были покрыты царапинами, из которых сочилась кровь. На тыльной стороне ладони, которой она вытерла лицо, тоже было красное пятно. Видимо, порезалась об осколки.

– Нам надо ехать, Эйдан.

– Я не сяду в багажник с вампиром, – сказал он, глядя на нее голодными, с расширенными зрачками, глазами. – Видишь, я себя контролирую. У тебя идет кровь, но я все равно себя контролирую.

– Ладно, – сказала она, делая вид, что верит. – Садись.

Он пошел к пассажирскому сиденью, а Тана подняла монтировку и ботинки. Она знала, что надо сделать – ударить его по затылку и надеяться, что он потеряет сознание. Но она не могла. Только не рядом с домом, полным мертвецов, только не будучи уверенной, переживет ли он удар. И не сейчас, когда ее трясет так, будто она вот-вот развалится.

– Нет, с другой стороны, – сказала она Эйдану. – За руль.

Он повернулся к ней, непонимающе нахмутив брови.

– Я хочу, чтобы ты сосредоточился на чем-то помимо желания укусить меня. Я буду наблюдать за тобой. – Тана подняла монтировку. – И мы поедем туда, куда я скажу. Понял?

– Я же вел себя хорошо, – возразил он.

– Садись! – рявкнула она, и это почему-то сработало. Со вздохом он обошел машину спереди. Тана села на место пассажира и отдала ему ключи, угрожающе подняв монтировку. Та казалась надежной и оттягивала руку приятной тяжестью; от нее слегка пахло машинным маслом. Эйдан бросил взгляд, оценивая выражение лица Таны, и повернул ключ зажигания.

– Поехали, – тихо сказала она. – Ну, давай, давай.

«Форд» пересек газон и выехал на дорогу. В зеркале заднего вида дом казался совершенно обычным, за исключением разбитого окна и дрожащей на ветру, как одинокое привидение, занавески.

Глава 6

*У смерти есть и хорошая сторона: это одно из немногих дел,
которые легко делать лежа.*

Вуди Аллен

Эйдан был худшим бойфрендом на свете.

Они познакомились в художественной школе. Тана пошла в нее только потому, что Полина пообещала: это будет просто, там полно таких же лентяев. В целом Полина оказалась права. Большую часть времени их преподаватель рисовал арки, ведущие в темные комнаты, либо жутковатые натюрморты с гниющими фруктами, мухами и медовыми сотами. Он продавал свои работы в галереи трех окрестных городков и постоянно твердил, что ему не хватает денег, ведь учителям – особенно в эти нелегкие времена – платят сущие копейки.

В общем, пока все более или менее тихо трудились над своими проектами, учитель никого не беспокоил.

Полина решила вырезать из большой фотографии их класса лица парней, обклеить ими бюстгальтер из накрахмаленной ткани, поместить его в рамку и тайком выставить в зале со школьными наградами.

Тана почти ничего не делала, только лениво рисовала углем и болтала с Эйданом. Тогда он был просто симпатичным парнем с задней парты, длинные темные волосы падали ему на глаза, когда он говорил. Эйдан носил чистые футболки с изображениями разных групп и толстовки на молнии с капюшоном, ярко-красные кроссовки и черно-белый ремень. Он постоянно улыбался, смеялся над собственными шутками и все время рассказывал Тане о девушках, с которыми он встречался, но которых никак не мог понять. Он казался хорошим, постоянно в кого-нибудь влюбленным парнем. От него пахло мылом «Айвори». Полина поддразнивала подружку насчет Эйдана, но Тана только смеялась в ответ. Она понимала, почему Эйдан нравился девушкам. Да, он был симпатичным, но так откровенно пытался произвести на нее впечатление, что Тана считала, что ей ничего не угрожает.

Проект Эйдана заключался в том, что он изобразил самого себя, спящего на уроке: сделал фигуру в натуральную величину из папье-маше. Он уговорил Тану помочь снять мерки. Она закатила глаза, но все-таки согласилась обмерить его бицепсы и грудную клетку.

Когда он улыбнулся ей, подняв брови, как будто это была шутка, понятная только им двоим, она поняла, что не так уж неуязвима.

Вскоре после этого он предложил ей провести вечер вместе. Это не было настоящим свиданием, они просто пошли потусоваться с друзьями. Тана выпила пару бутылок пива. И когда Эйдан решил поцеловать ее, она позволила ему это.

– Ты не такая, как другие девушки, – сказал Эйдан, прижимая ее к подушкам дивана, – ты круче всех.

Тана пыталась быть крутой и делать вид, будто его попытки заигрывать с другими девушками – а один раз, когда он действительно напился, с вешалкой для пальто – ее не волнуют. Он рассказывал о девушке, которая засыпала его эсэмэсками, стоило ему пойти куда-нибудь со своей двоюродной сестрой, или об истеричке, которая посылала ему залитые слезами письма на десяти листах. Тана не хотела стать героиней его очередной истории о «чокнутых девицах».

На самом деле все эти истории ее не особенно беспокоили. Во всяком случае, не так, как ожидал Эйдан. Иногда ей и правда было неприятно смотреть, как он с кем-то флиртует, но больше всего ей не нравилось, как он следил за ней, надеясь, что она будет переживать. Она не любила ходить на вечеринки, где приходилось болтать с остальными, напиваться и делать вид, будто она не в курсе, что все только и ждут, когда же она наконец устроит сцену. А еще

ей не нравилось не знать правил. Каждый раз, когда она спрашивала Эйдана, он бормотал что-то невразумительное и извинялся.

Когда Тана предлагала ему ходить на вечеринки одному, он делал печальное лицо.

– Нет, – говорил он, – не оставляй меня. Я ненавижу ходить по вечеринкам один.

– Иди с друзьями, – отвечала она, смеясь. Эйдан никогда не бывал один. Он знал почти всех. У него было полно друзей.

– Но я хочу пойти именно с тобой, – он смотрел на нее большими умоляющими глазами и кривил губы в полуулыбочке, будто понимая, насколько смешно выглядит. Это срабатывало. Сочетание лести и детской непосредственности всегда срабатывало. Особенно учитывая, что Тана боялась оказаться не такой крутой, как он думал. Так что она ходила с ним на вечеринки и делала вид, что ей все равно. И чем дольше она молчала, тем более вызывающе он себя вел. Он целовался с девушками у нее на глазах. Он целовался с парнями у нее на глазах. Подмигивал с другой стороны комнаты, вызывая на бой. Тогда ей стало интересно.

Она приучилась вести себя еще более равнодушно. Она подходила к Эйдану, когда он отрывался от поцелуя, обнимала за плечи и просила ее представить. Она подсчитывала очки, прибавляя их за стиль и снимая, когда его отшивали.

– Ты как будто играешь с ним в сексуальные гляделки, – говорила Полина, отбрасывая назад копну крохотных косичек. – Но какая разница, кто из вас первый моргнет?

– Сексуальные гляделки, – фыркнула Тана, – хорошее название. Жаль, что негде его использовать.

Полина стукнула ее журналом, который читала.

– Я серьезно. Ты знаешь, о чем я.

Тана не могла объяснить, почему она не бросит все это, не могла передать словами болезненное возбуждение, охватывавшее ее, когда Эйдан причинял ей боль, или удовлетворение, которое она испытывала, играя по его безумным правилам – и выигрывая.

Она же «крутая», и она не будет вести себя не круто, как бы он ни пытался ее к этому принудить. Иногда Эйдана раздражало, что она не устраивала скандалов, но вместе с тем он часто говорил ей, что другой такой девушки нет. Нет на всем свете.

– Нельзя выиграть, если правила устанавливает кто-то другой, – предупредила ее Полина.

Тана не обратила на это внимания. Но однажды на очередной вечеринке Эйдан жестом подозвал ее к парню, который раскинулся на диване рядом с ним. Губы у парня были розовыми, и он казался пьяным – от текилы из бутылки перед ними и от поцелуев с Эйданом.

– Это моя девушка, Тана, – сказал Эйдан. – Хочешь ее поцеловать?

– Твоя девушка? – Кажется, парня это задело, но он умело скрыл свои чувства. – Конечно. Почему нет?

– А ты? – Эйдан с вызовом посмотрел на нее. – Ты в игре?

– Естественно, – сказала Тана. Решимость выиграть во что бы то ни стало и азарт так перемешались, что она сама не понимала, из-за чего согласилась. Сердце бешено билось в груди. Ей было страшно, как будто она переступала какую-то невидимую границу, как будто после этого она станет другим человеком. Тем, который, как она думала, всегда прятался внутри нее. Такой крутой, какой она только могла быть.

Губы парня оказались очень мягкими.

Когда она подняла глаза на Эйдана, картина потрясения на его лице была сродни рюмке крепкого ликера. Она опьянела от своей силы. А когда парень жадно ответил на ее поцелуй, она опьянела и от этого.

Эйдан наклонился к ним уже с другим выражением лица. Теперь он улыбался, как будто это была их шутка, их вдвоем, как будто он понял, что все эти вечеринки были просто игрой в шахматы. Как будто Эйдан знал: они оба делали это в надежде, что адреналин смоем все то дерьмо, которое происходило с ними. И он был рад, что она сейчас с ним, что они вместе.

Она вспомнила, как год назад стояла на железнодорожных путях, пока поезд не оказался совсем рядом, пока она не ощутила исходящий от него жар, пока ее кровь не запела от страха и адреналина. Только тогда она отскочила в сторону.

Еще она вспомнила другой день. Когда она вдавила педаль газа в пол и неслась по ночным улицам, под ледяным дождем.

Он улыбнулся ей, как будто действительно считал, что она особенная. Как будто только она понимала, что такое принять вызов ради вызова.

Но все это оказалось неправдой, потому что Эйдан бросил ее три недели и дюжину вечеринок спустя, отправив сообщение: «Думаю, у нас все слишком серьезно. Я хочу отдохнуть».

После этого Тана не знала, была ли эта игра на самом деле или она ее придумала. Она знала только одно: она проиграла.

Глава 7

*Смерть – это тень, которая всегда следует за телом.
Английская пословица*

Тана велела Эйдану заехать на заправку примерно через час после того, как они покинули дом Лэнса. Других машин не было видно, все круглосуточные магазины теперь оборудовались бронированными кабинами для кассиров, так что Тана сочла остановку здесь вполне безопасной. Окончательно стемнело, рука с монтировкой наготове устала, и она понимала, что долго не продержится. Силы начали покидать ее, порезы болели, в голове пульсировала кровь. Она ничего не ела с тех пор, как проснулась – даже думать не могла о еде, – и каждый раз, когда в животе урчало, Эйдан смотрел на нее так, будто ее голод напоминал ему о собственном.

Ей трудно было оставаться настороже, трудно было не думать о доме, о телах, лежащих в его комнатах. Каждый раз, стоило ей моргнуть, перед глазами вставали забрызганные кровью стены. А вместе с этим возвращалось воспоминание о зубах вампира, царапающих ногу, о руке, стискивающей щиколотку.

В школе им показывали фильмы о том, как распространяется инфекция. Там была картинка, изображавшая рот вампира и рот человека. Она вспомнила эту схему, раскрашенную синим, желтым, красным и розовым. Клыки вампиров были длиннее человеческих и имели узкие каналы, направлявшие кровь прямо в горло твари. Когда вампир вонзал зубы в жертву, немного его собственной отравленной крови попадало в рану, заражая человека. Она слышала о похожих случаях, когда зубы входили в плоть не полностью. Иногда все обходилось, иногда нет. Если за сорок восемь часов симптомы не появятся – значит, судьба ее хранит.

Эйдан подрулил к одной из колонок.

– Мы не можем ехать дальше без всякого плана. Нам надо попасть *куда-то*.

– Знаю, – сказала она, в панике обдумывая все снова и снова. Каждый новый план казался ей хуже предыдущего. Она чувствовала себя так, словно уже готова выпрыгнуть из собственной кожи.

Когда Эйдан открыл дверь, прядь волос упала ему на глаза. Он откинул ее назад – так же, как всегда. Такой обычный, нормальный жест сейчас, когда все настолько ненормально, и в первую очередь с ним, заставил ее судорожно сглотнуть.

Он потянулся к насосу, выбрав обычный неэтилированный бензин.

Тана подумала, что все происходит слишком быстро и слишком медленно одновременно. Пока они ехали, она боялась сказать хоть слово; стоит ей начать, она не выдержит и расскажет все, что чувствует на самом деле. Тогда она не сможет дальше делать вид, что контролирует ситуацию.

– Купим карту и составим план, – произнесла она, надеясь, что он не заметит ее усталости. Если она проявит слабость, то ее легче будет счесть добычей. Она заставила себя говорить уверенно. – В любом случае я сначала пойду в туалет, приведу себя в порядок. Встретимся в супермаркете, когда ты разберешься с бензином.

Из багажника донесся тихий удар. Габриэль лежал там, ожидая, что его выпустят. Но что он будет делать потом? Может, просто бросить его на обочине и надеяться на лучшее?

– Мы сейчас вернемся, – сказала Тана, и, несмотря на все усилия, ее голос дрогнул.

Забросив сумочку на плечо и схватив ботинки, она твердым шагом двинулась вперед, пока не дошла до угла супермаркета, откуда пустилась бежать и не останавливалась до туалета. Там она захлопнула и заперла за собой дверь. Прежде чем это помогло, она начала всхлипывать. Тана плакала и плакала, слезы текли не переставая. Она сползла по стене, рыдая так, что

не могла дышать. Она ударила кулаками по отошедшей плитке на полу, надеясь, что от боли придет в себя.

«Шок, – подумала Тана. – У меня шок». Но она толком не понимала, что это значит. Только что это плохо и что это бывает в кино. В кино, впрочем, люди быстро отходили от шока. Как правило, с помощью пощечины.

Поднявшись на ноги, она ударила себя по щеке. Щека отражения в зеркале над грязной раковиной налилась розовым. Лучше не стало.

Несколько секунд Тана просто стояла, глядя на свое отражение, пока не вспомнила, что собиралась привести себя в порядок. Она вымыла в раковине руки и плеснула водой на ноги, чтобы оттереть кровь. Царапина на внутренней стороне колена была хорошо заметна, но не выглядела распухшей и посиневшей. Глубокой она тоже не казалась и на вид не представляла собой ничего серьезного – уж точно ничего такого, что могло бы превратить ее в монстра. Дрожащими руками Тана промыла царапину антибактериальным мылом, надеясь, что удастся уничтожить заразу, прежде чем та разойдется по всему организму. Потом она прислонилась к запертой двери и принялась завязывать ботинки, туго затягивая шнурки. Покончив с этим, она позвонила Полине.

Тана набрала номер автоматически, поддавшись желанию сбежать от происходящего. Она не могла ни о чем думать, пока ждала ответа. В ее сознании не осталось ничего кроме чувства, что если Полина возьмет трубку, какое-то время все будет в порядке. Тана не знала, что скажет, не представляла, какими словами объяснит, где она сейчас и что случилось. В доме Лэнса она действовала импульсивно, руководствуясь инстинктом, который подсказывал ей, что сейчас надо всех спасти, а беспокоиться о последствиях можно будет потом. И вот «потом» наступило. Оно ждало по другую сторону двери. И Тана могла только предвосхитить его.

– Алло? – громко сказала Полина. На заднем фоне слышалась музыка.

– Привет! – ответила Тана, как будто все было в порядке. Притворяться оказалось приятно. Ее плечи немного расслабились. – Что делаешь?

– Погоди, перейду в другую комнату. Тут столько всего.

На другом конце захлопнулась дверь, и музыка стала тише. Полина принялась рассказывать Тане о Дэвиде – ее парне из театральной школы, ну, или вроде того. Дома у него была девушка, они встречались со средней школы, но он все лето подавал Полине какие-то странные знаки. Они эмоционально разговаривали, а потом он выдумывал предлог, чтобы прикоснуться к ней во время импровизации, мучительно заламывая руки. Его девушка должна приехать во вторник, но Дэвид только что поцеловал Полину, и она не знала, что и думать.

Тана почувствовала волну облегчения – эти проблемы были чем-то знакомым. Она отодвинулась от двери, закинула голову назад и закрыла глаза. Можно было перебить Полину, рассказать ей об этой кошмарной поездке сквозь тьму с зажатой в руке монтировкой, рассказать о вампирах и о бойне в доме Лэнса. И о царапине на ноге. Но в этом случае ей пришлось бы снова обо всем этом вспомнить. Так что она просто выслушала рассказ Полины, потом они его немного пообсуждали. А когда Полина спросила, как у нее дела, Тана сказала, что все в порядке. С ней все в порядке, с вечеринкой все в порядке. Все в порядке, в порядке, в порядке.

– Что-то у тебя странный голос, – сказала Полина. – Ты что, плакала?

Тана задумалась, не попросить ли Полину найти какое-нибудь заброшенное место с дверью. Где Тана могла бы просидеть несколько недель взаперти с запасами воды и батончиков мюсли. Полина сделала бы это для нее. Тана знала, что она это сделает. А через неделю, когда Тана начала бы выть, кричать и умолять ее выпустить, возможно, Полина сделала бы и это.

Риск был слишком велик.

Поэтому Тана ответила, что с ней все в полном, полном порядке. Потом Полине пришлось положить трубку, потому что отбой в лагере в девять, а ей еще нужно было дойти из общей комнаты до спальни.

Еще через несколько минут Тана отключила и убрала телефон, стараясь удержать это ощущение нормальности. Но чем дольше она стояла на месте, тем сильнее сводило желудок от страха, тем сильнее ее знобило.

Она не должна поддаваться инфекции. Она должна оставаться здоровой, чтобы они с Полиной переехали в Калифорнию после выпускного как и планировали. Там они снимут крохотную квартирку. И Тана найдет себе скучную, но стабильную работу – может, устроится официанткой, будет сидеть на ресепшен в тату-студии или в салоне печати и они получат скидку на печать фотографий, – а Полина станет ходить на свои пробы. Они будут помогать друг другу краситься, как те девушки с плакатов из пятидесятых, и меняться одеждой. А еще – купаться в Тихом океане и сидеть под пальмами, а легкий бриз будет трепать их покрытые солью волосы.

Наконец Тана поняла, что не может больше оставаться в туалете. Она открыла дверь, приготовившись к атаке, к тому, что кто-то из вампиров мог последовать за ней. Но снаружи никого не было – только освещенные прожекторами бетонная площадка и лес за ней. Стояла липкая жара, вдалеке слышалось пение цикад. Не думая, что кто-то может счесть ее дурочкой, боящейся темноты, Тана бросилась бежать к ярко освещенному супермаркету и остановилась только у его двери, жалея, что оставила монтировку в машине. Хотя неизвестно, можно входить с такими штуками в магазин.

Кассир с другой стороны пуленепробиваемого стекла ухмыльнулся ей как человек, уверенный в своей безопасности. Его рыжие волосы, уложенные гелем, торчали во все стороны.

Высоко на стене висел маленький телевизор. Передавали новости из спрингфилдского Холодного города. Демония представляла зрителям новых гостей на Вечном балу – вечеринке, которая началась в 2004 году и продолжалась до сих пор.

На заднем плане парни и девушки раскачивались в воздухе на резиновых лентах. Камера повернулась к танцполу, показывая публику. У некоторых на сгибе локтя виднелись трубки капельниц. Камера задержалась на мальчике лет девяти, который протягивал бумажный стаканчик худой девушке со светлыми волосами. Она наклонилась, повернула кран на трубке, и в стаканчик полилась тонкая струйка крови, красной, как глаза мальчика и как его язык, который он быстро высунул, чтобы слизнуть капли с края стаканчика. Камера повернулась, чтобы зрители могли оценить величественность здания. В окна наверху было вставлено темное стекло, не пропускавшее свет, способный испепелить некоторых участников праздника.

Шрам Таны начал пульсировать, и она рассеянно потеряла его.

– Эй, – сказал Эйдан, тронув ее за плечо. Она подскочила от неожиданности. В руках у него была бутылка с водой, но он смотрел на экран так, как будто остального мира вокруг не существовало. – Ты только посмотри!

– Это как «Отель Калифорния», – ответила Тана, – или ловушка для тараканов. Они заходят внутрь и остаются там навсегда.

В Холодные города отправляли зараженных людей и вампиров, которых удалось схватить. Туда же добровольно переселялись больные, потерявшие надежду на выздоровление, либо те, кто поддался очарованию Холодных городов. На Вечный бал можно было попасть бесплатно, если ты был готов пожертвовать немного крови. Но, оказавшись там, люди – даже дети, даже младенцы, родившиеся в Холодном городе – лишались права выходить наружу. Национальная гвардия патрулировала стены, защищенные колючей проволокой и покрытые священными символами, следя за тем, чтобы все обитатели оставались внутри.

Спрингфилд был самым известным и самым большим Холодным городом. Онлайн-трансляций, видеороликов и блогов оттуда было больше, чем из Холодных районов крупных городов. Отчасти потому, что Спрингфилд был первым; отчасти потому, что власти Массачусетса раньше других позаботились обеспечить оказавшихся внутри людей электричеством и связью. Вспышку в Чикаго подавили так быстро, что зона карантина не имела никаких шансов стать городом в городе. Лас-Вегас конкурировал со Спрингфилдом в том, что касалось транс-

лящий вампирских развлечений, но часто оставался без света, так что постоянно смотреть его передачи было непросто. Лас-Крусес и Новый Орлеан были слишком маленькими, а Холодный город в Сан-Франциско спустя год после основания погрузился в кромешную тьму. Никаких трансляций оттуда не поступало. Там все еще оставались люди – спутники регистрировали тепло их тел по ночам, – но это все, что было известно.

«Спрингфилд не только самый известный и большой Холодный город, – подумала Тана, глядя на экран, – он еще и ближе всего».

– Неплохо бы там спрятаться, – сказал Эйдан, бросив хитрый взгляд на машину с вампиром в багажнике.

– Ты хочешь обменять Габриэля на метку? – спросила Тана.

Было одно исключение. Единственная возможность покинуть Холодный город для тех, кто еще оставался человеком. Если у вашей семьи было достаточно денег, можно было нанять охотника, чтобы он поймал вампира и обменял его на вас. Охотники получали от правительства деньги за каждого пойманного вампира, но они могли отказаться от награды и взять вместо нее метку – разрешение покинуть Холодный город (на одного человека). Один вампир входит в Холодный город, один человек выходит оттуда.

Не обязательно быть профессиональным охотником, чтобы обменять вампира на метку. Если бы у Эйдана была такая, он мог бы войти в Холодный город, а потом, если его организм сможет побороть инфекцию и он останется человеком, выйти из него.

– Не за метку, – сказал Эйдан, не сводя глаз с экрана. – За деньги. Мы могли бы получить кучу денег за вампира. Достаточно, чтобы я мог отсидеться пару месяцев в каком-нибудь дерьмовом отеле, пока эта дрянь не выйдет из меня.

– Мне кажется, что меня... нет, на самом деле не укусили, – Тана с трудом выговаривала слова, которые боялась произнести вслух. Но Эйдан должен был знать, если они собираются планировать что-то вместе. – Меня оцарапали. Клыком.

Эйдан посмотрел на нее, и в его глазах блеснуло настоящее беспокойство.

– И ты не знаешь, заразилась или нет.

– Думаю, лучше считать, что я заразилась, – Тана старалась не показывать, как она напугана.

Он кивнул:

– У нас будет достаточно денег, чтобы спрятаться обоим. Два номера, два ключа. Когда все это закончится, мы сможем подсунуть их друг другу под дверь. Нужно что-то решить. Я голоден, Тана.

– Габриэль помог нам... – она замолчала, задумавшись. Чем дальше они уезжали от фермы Лэнса, тем бо́льшим чудовищем казался Габриэль. Она вспомнила его глаза, красные как гранаты, как маки, как угли костра. Она вспомнила, чему их учили в школе: холодные руки, мертвое сердце. Многие вампиры разучились чувствовать что-либо, кроме голода. Он помог ей, это правда, но это не значило, что он не бросится на нее теперь, когда опасность миновала. Вампиры непредсказуемы.

– Во всяком случае, теперь мы знаем, куда ехать. Я собиралась купить еды. Ты тоже поешь, посмотрим, вдруг это уменьшит жажду.

Она ждала ответа, но Эйдан снова повернулся к телевизору, который все еще показывал трансляцию из Холодного города. Его рот был приоткрыт, щеки покраснелись.

Будь она хорошим человеком, она бы отвезла его туда, если бы он поддался голоду. А он мог. И тогда он стал бы бессмертным, вечно молодым и продолжал бы очаровывать девушек, пока земля не врежется в солнце.

Будь она хорошим человеком, она бы и сама туда отправилась.

Она пошла вдоль полок, онемевшими пальцами взяла карту. К доске рядом с холодильниками были приколоты объявления: фотографии пропавших подростков с номерами телефо-

нов, реклама гомеопатических средств, которые якобы отпугивают вампиров, объявления о котятах «в хорошие руки» и одно объявление, призывавшее в случае чего звонить Матильде.

Тана взяла бутылку имбирного эля и бутылку воды. У ящика с готовой едой выбрала максимально съедобные на вид сэндвичи – индейка, сыр и белый хлеб – и взяла два, и еще штук шесть пакетиков с горчицей, яблоко и бутылочку ибупрофена. Потом сделала себе огромную чашку кофе, добавила в нее пакетик с горячим шоколадом и заплатила парню в пуленепробиваемой кабинке за этот шикарный ужин и бензин. От того, что ей заплатили на последнем рабочем месте – в буфете кинотеатра, – осталось примерно сорок долларов. И все, что у нее теперь было, – эти сорок долларов и очень смутный план.

Тана не знала, что именно Эйдан слышал о Холоде, но если он думает, что будет лежать в номере отеля, смотреть телевизор и обливаться холодным потом, как будто слезает с наркотиков, то он очень сильно ошибается. Как только голод захватит его полностью, он вышибет дверь. Они набросятся друг на друга. И будут нападать на других людей, может быть, даже убивать, и обязательно распространять заразу. Если они не собираются ехать в Холодный город или где-то спрятаться, единственный выход – это вернуться домой. Она должна отвезти Эйдана обратно. Поговорить с его матерью, маленькой спокойной женщиной в домашнем платье, которая поила Тану чаем и никогда не делала замечаний по поводу их с Эйданом манеры одеваться. Тане пришлось бы объяснить, что ее сын заразился. Поговорить с его отцом, которого Тана никогда не видела. А что потом? Готовы ли они запереть Эйдана и не обращать внимания на его крики? Знать, что если он вырвется на свободу, кто-то может пострадать, и их арестуют? Или они отправят его в Холодный город и сделают вид, что выбора не было? А что насчет нее? Где ей спрятаться, пока инфекция не покинет организм? Только не в подвале, где ее крики будут отражаться от тех же стен, что и крики матери когда-то. Только не в подвале, где ее может услышать Перл.

– Ладно, – вздохнула Тана, делая большой глоток. – Пора ехать.

Холодный ветер снаружи отбросил ее волосы назад и едва не вырвал пакет из рук. Нужно поесть. Потом, когда перестанет кружиться голова, она решит, куда ехать дальше.

Подходя к машине, она увидела, что багажник открыт.

– Эйдан, – тихо сказала она. Медленно, на подгибающихся от страха ногах прошла через парковку. Замок багажника был сорван, одна из петель согнута. Цепи свалены кучей там, где лежал Габриэль. Рядом – клочья одеяла и мешков.

– Как он... – начал Эйдан, но тут же осекся.

– Разорвал, – ответила Тана, указывая на вытянутое и перекрученное звено. – Если он это сделал, тогда... Он с самого начала мог освободиться. Еще на ферме. Он обманул нас.

– Может быть, днем они слабее, – сказал Эйдан. – Я как-то нашел летучую мышь. Посреди бела дня у банка в городе. Она была такая маленькая и выглядела такой несчастной, так что я засунул ее в ботинок и отнес домой. Думал, круто будет держать дома летучую мышь. Я посадил ее в птичью клетку, и она проспала до вечера. Но потом она уже не выглядела милой. Она как-то выбралась из клетки и начала метаться по комнате как ненормальная. Когда она расправила крылья, то выглядела как огромная...

– Эйдан, – сказала Тана. – Он не летучая мышь.

Она все смотрела на искореженный металл багажника и цепи, разорванные, как будто они были из олова, а не из стали.

Это невозможно. Вампиры сильнее людей, но не настолько же.

– Но ведь не зря раньше думали, что они превращаются в летучих мышей, – загадочно произнес Эйдан.

Она вздохнула. Возможно, он прав. Может быть, Габриэль просто дожидался в доме темноты. Ждал, когда сможет разорвать цепи, выпить кровь Эйдана и убежать. Но когда появилась

Тана, решил воспользоваться их помощью, чтобы убраться подальше, пока не наступила ночь, и притворился безобидным. По спине у Таны пробежал холодок.

– Ну что же, он сбежал. Остались только мы, – Эйдан лениво улыбнулся. С таким выражением лица он обычно склонял ее к тому, к чему она не была готова.

– Угу, – отозвалась Тана. Эйдан продолжал смотреть на нее, и выражение его лица изменилось. Кажется, он больше не видел ее. А видел только кожу и кости. И кровь. Тана сделала шаг назад. Она не успеет дотянуться до монтировки, которую оставила на пассажирском сиденье. – Давай сядем в машину и поедем дальше. Может быть, найдем отель, как ты и говорил, – продолжала она, надеясь отвлечь его. – Заляжем на дно.

– Или можно поддаться искушению, – он подходил ближе. – Подумай об этом.

– Ты не можешь, – сказала она.

– Почему нет? – спросил Эйдан, приближаясь. – Это может оказаться даже приятно. Есть люди, готовые убить ради того, что мы получили просто так.

– Я не хочу стать чудовищем, – сказала Тана, отшатнувшись. Краем глаза она заметила блеск видеокамеры над входом в супермаркет. – Садись в машину. И попытайся убедить меня. Обещаю, я действительно об этом подумаю.

– Хорошо, – сказал Эйдан и бросился на нее. Она ждала этого, но все-таки он застал ее врасплох. Конечно, она знала, что он опасен. А еще он был ее другом, и все инстинкты требовали, чтобы она доверяла ему. Она плеснула ему в лицо кофе и пустилась бежать. Но он быстро догнал ее и прыгнул, опрокинув на асфальт. Шею обдало холодным дыханием, ободренные колени и ладони щипало. Пакет с едой упал рядом, из расколотой бутылки с имбирным элем хлынула пена, заливая подол кружевного платья, смешиваясь с пролитым бензином, смывая брошенные окурки.

«Вот и все, – подумала она, – Здесь я и умру». И это окажется на видеозаписи. Ее увидит кассир за пуленепробиваемым стеклом, а позже, может быть, отец и сестра.

Эйдан издал булькающий звук, и Тана вздрогнула, приготовившись к неизбежной боли. Но вместо прикосновения зубов почувствовала, что его хватка слабеет, и услышала крик. Она перекатилась на спину и потянулась за разбитой бутылкой – единственным доступным оружием. Сомкнула пальцы на горлышке и взмахнула рукой, надеясь не промахнуться.

И тут она задохнулась от неожиданности.

Перед ней стоял Габриэль. Он обхватил Эйдана вокруг груди и, закрыв глаза, припал губами к его шее. Его лицо, когда он оторвал Эйдана от земли, выглядело одновременно жутким и спокойным; он глотал кровь с чудовищным наслаждением. Невидящие глаза Эйдана были полузакрыты. Он не сопротивлялся, его рот был блаженно приоткрыт, тело подрагивало.

Секунду, которая показалась вечностью, Тана не могла двинуться с места. Это было больше, чем страх привлечь к себе внимание, больше, чем страх за себя. Она должна была прийти в ужас, но вместо этого смотрела как замороженная.

Эйдан тихо застонал. Хватка Габриэля усилилась, он прижал Эйдана к себе.

Тана с усилием поднялась на ноги. Гравий прилип к окровавленным коленям и ладоням. Белое платье испачкалось.

– Габриэль, – сказала она со всей твердостью, на которую была способна, отчаянно надеясь, что ее голос не будет дрожать. Она вспомнила, как надо говорить с дикими животными: не показывая, что боишься. – Габриэль! Отпусти его.

Вампир не шевельнулся, будто не заметил ее. Она схватила его за руку, ожидая, что он на нее кинется.

– Пожалуйста, отпусти Эйдана. Ты убьешь его!

Габриэль поднял голову. Его глаза все еще были закрыты, на клыках блестела кровь, он улыбался. Потом он открыл глаза, яркие, как факелы, и Тана в ужасе отшатнулась. Тело Эйдана безжизненно выскользнуло из его рук на землю.

Габриэль смотрел на нее с выражением, которое заставило ее спросить себя, не думает ли он о ее пылающих щеках, о том, с какой скоростью бешено бьющееся сердце гонит кровь по венам, о ее красных губах.

И тут она вспомнила слова, которые вампир произнес в доме Лэнса.

Будьте осторожны, ведь если со мной что-то случится... Тана, послушай: вы должны быть очень осторожны со мной.

Он не боялся, что *с ним* что-то случится. Он опасался, что может причинить вред кому-то другому.

– Не надо, – сказала она, отходя. Горлышко бутылки, которое она все еще сжимала в руке, казалось жалкой стекляшкой, не больше.

Габриэль вытер рот тыльной стороной ладони.

– Пойдем, Тана, ночь только началась, и твой друг очень устал. Мы должны соорудить ему постель... *из роз, чепец из множества мимоз и кёртл из листьев мирта*...⁴ – Голос вампира звучал странно, словно издалека. Тана наклонилась к Эйдану, грудь которого поднималась и опускалась, будто он действительно спал.

– Он... он будет жить?

– Нет, – ответил Габриэль. – У него нет шансов. Он хочет умереть, и умрет. Но не сегодня и не от моих рук.

– О, – сказала Тана. – Так с ним все в порядке?

В свете прожекторов кожа Габриэля выглядела почти белоснежной, а рот был испачкан красным, как бы он его ни вытирал. Она впервые видела вампира так близко, и ее поразило то, что теперь, без цепей, он был похож на тень обычного юноши, ее ровесника – высокий, босоногий, в джинсах и вывернутой наизнанку черной футболке, с растрепанными черными волосами. Но он был далеко не юношей.

И у его ног лежало безжизненное тело.

– Да. С ним все в порядке, – сказал он, протягивая ей руку, – но ты ранена.

Она посмотрела на себя, на грязное платье, окровавленные колени.

– У меня был не самый удачный день. Похмелье до сих пор не прошло, мои друзья мертвы, имбирный эль разбился... – к своему ужасу, она почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы.

Габриэль наклонился, поднял Эйдана и закинул его на плечо.

– Тогда попробуем исправить твой день, – сказал Габриэль с неожиданной искренностью, которая заставила Тану улыбнуться.

⁴ Цитата из стихотворения средневекового английского поэта Кристофера Марло «Страстный пастух своей возлюбленной»; кёртл – в средневековом костюме второй слой одежды.

Глава 8

*Наши мертвые живы, пока мы их помним.
Джордж Элиот*

Иногда в новостях рассказывали о детях, которые случайно совершали ужасные вещи. Например, играли с заряженным ружьем и случайным выстрелом убивали брата, или баловались со спичками и поджигали дом.

Но дети были не виноваты.

То есть, на самом деле, виноваты, но об этом никто не говорил. Хотя кого же еще винить? Это ребенок не слушался, это он украл ключи и отпер замок, это он выпустил зло наружу.

То, что на самом деле случилось в подвале дома Таны, совсем не было похоже на ее счастливые сны, в которых они с матерью вместе играли и радовались. Когда она спустилась вниз, на нее напало чудовище, свихнувшееся от голода. Оно так вцепилось в ее руку, что разорвало вену, и вместе с кровью проглотило куски ее плоти.

Она кричала и звала маму, но ее мать уже была с ней. И она была чудовищем.

Когда Тана пришла в себя, она узнала, что отец спас ее. Он взял лопату и отрубил жене голову. Потом оторвал лоскут от своей рубашки, сделал жгут и отвез свою непослушную дочь в больницу. Врачи зашили ей руку.

Никто не винил ее. Никто не говорил, что ненавидит ее. Никто не говорил, что мать погибла из-за нее.

Это было и не нужно.

Глава 9

*И то, о чем мертвые не говорили при жизни,
Теперь они вам откроют, ибо они мертвы,
Откроют огненным языком превыше речи живых.*

Т. С. Элиот

Глаза Таны слипались. Габриэль вел машину – он забрал ключи у Эйдана и уложил его на заднее сиденье. Наверное, Тане следовало возразить, но она позволила вампиру сесть на место водителя, повернуть ключ зажигания. Она забрала с парковки бутылку воды и сэндвичи – упаковка осталась целой – и ела, пока машина неслась по дороге, выхватывая фарами из темноты очертания деревьев и домов. Окна были открыты, и волосы Габриэля развевались вокруг лица, как рваные черные ленты.

Тана не знала, куда именно они едут – просто все дальше от прежней жизни, все ближе к новой – искаженной, словно в кривом зеркале.

Потом ей захотелось спать, как будто в сэндвичах было снотворное. Адреналин покидал кровь, ужас отступал. Она пыталась убедить себя, что ничего еще не закончилось и она не в безопасности, сидит в машине с вампиром, который мало того что вампир, так еще и похож на сумасшедшего. Но у нее больше не осталось сил.

Тана моргнула, стараясь не заснуть.

– Что случилось там, в доме? Почему ты был в цепях? И почему не освободился раньше, ведь ты мог это сделать?

– Я убил... вампира... и устал, и...

Он замолчал и уставился на дорогу. Тана рассматривала его лицо, его подчеркнуто мужскую красоту – большой рот и длинные ресницы, такие черные и густые, будто он пользовался косметикой.

– Мой разум... не так быстр, как раньше. От голода и ран нас охватывает безумие, которое может излечить только кровь. Но то, что они со мной делали... Понадобится целая река крови, чтобы смыть это. Мой разум должен оставаться ясным... Ты сказала, что я мог бы освободиться. Да, это так. Но слишком большой ценой...

Судя по всему, солнечные ожоги и поездка в багажнике не остались для него без последствий.

– Ты не выглядишь сумасшедшим, – сказала Тана. – Во всяком случае, не таким уж сумасшедшим.

Он улыбнулся уголком рта.

– Иногда это действительно так. Но большую часть времени все иначе. И тогда у меня очень хороший аппетит. Они оставили меня рядом с твоим связанным приятелем, которого припасли на следующую ночь. Он лежал там, как шоколадка на подушке. Я ждал, пока стемнеет, когда ты вошла.

Тана увидела, как по его лицу пробежала тень, и это была не тень от деревьев, мимо которых проносилась их машина. Она задумалась, не чувствует ли он запах ее крови, сочащийся из пор вместе с запахом пота.

Тана подумала, что, вероятно, Габриэль сам собирался выпить кровь Эйдана перед побегом, но сейчас умолчал об этом.

Интересно, нападет ли он на нее? Его обращенное к дороге лицо оставалось спокойным, как у статуи в соборе, но она видела, как он пил кровь Эйдана, как напряжены были мышцы его шеи и каким был его взгляд, когда он, с выпачканным кровью ртом, повернулся к ней. Она

вдруг подумала, каково было бы заразиться, а потом сдаться и позволить себе стать вампиром: бессмертной и холодной, волшебной и чудовищной.

В Холодный город сбегало множество подростков, которые были готовы на все, чтобы отравленная кровь жгла их изнутри, как сейчас жжет Эйдана. Вампиры Холодного города были очень осторожны и старались не кусать людей, они питались через трубки и катетеры. Больше вампиров – больше лишних ртов. То, что получил Эйдан (и, возможно, она сама), считалось редким даром. Ее подруга Полина, перед тем как отправиться в клуб, лезвием делала на бедрах надрезы – чтобы привлечь вампира.

Когда она подняла глаза и посмотрела на рот Габриэля, на его губах все еще оставались следы крови. Может быть, из-за того, что он спас ее на заправке и она была ему благодарна, или от усталости, она как замороженная смотрела на его рот, на то, как тот изгибается в порочной улыбке. Тана знала, что этот парень вампир и любоваться его улыбкой опасно и глупо. Она даже не была уверена, что он видит в ней девушку, а не еду.

Нужно перестать думать о нем так. Нужно вообще перестать о нем думать. Видеть в нем только источник опасности.

– Почему эти вампиры – и Клык – охотятся за тобой? Ты сделал что-то плохое?

– Очень плохое, – кивнул он. – Я совершил милосердный поступок, о котором бесконечно сожалею. У меня был учитель, утверждавший, что милосердие – это вид печали. И если причиной печали является зло, то оно же – причина милосердия. Я считал учителя жестоким стариком – может, так оно и было, – но теперь думаю, что он был прав.

– Это же бред, – Тана откинулась на спинку сиденья. – Милосердие не может быть злом. Это же как доброта, или храбрость, или... – она замолчала.

Габриэль повернулся к ней.

– Я изменил этот мир своим чудовищным милосердием.

Она покачала головой:

– Что за чушь! – и зевнула, не в силах с собой справиться.

Габриэль рассмеялся – точно так же, как это сделал бы любой парень из ее класса. Тане вдруг стало интересно, какого цвета были когда-то его глаза.

– Спи, Тана. Если позволишь мне сегодня воспользоваться твоей машиной, обещаю, я отблагодарю тебя.

– Да? – она повернулась к нему. – Чем же?

Он улыбнулся.

– Драгоценностями, ложью, пожелтевшими страницами, засушенными цветами, воспоминаниями о прошлом, бесполезными цитатами, праздными руками, бусинами, пуговицами и проказами.

Тана была почти уверена, что он шутит.

– Ну ладно. Так куда мы едем? – она снова откинулась назад.

Он тихо ответил:

– В Холодный город.

– Вот как? – она заморгала, отгоняя сон.

– Я должен. И если Эйдан войдет в ворота со мной, он будет в безопасности. И ты будешь в безопасности без него. Снаружи на него будут охотиться. И он сам начнет охотиться.

– А что, если он не захочет быть вампиром? – спросила Тана. Но прежде чем эти слова прозвучали, она поняла, что Эйдан захочет – обязательно захочет. Разве он не сказал это, перед тем как напал на нее? Став вампиром, он получит славу, о которой мог только мечтать, а не просто популярность парня, на котором виснут девчонки, а сам он стремится перебраться из своего захолустья в большой город. В Холодном городе он будет купаться во внимании, а резня на ферме сделает его историю еще более трагичной и романтической.

Кроме того, Эйдан голоден.

Это она не хочет становиться вампиром. Но боится, что со временем ее решимость ослабнет.

– Его кровь горит, – сказал Габриэль. – И он жаждет только одного лекарства. Думаю, его сердце уже приняло решение. Вот только кто же в этом сознается?

– С Холодом трудно бороться, – произнесла Тана гораздо резче и с куда большим отчаянием, чем ей бы хотелось. Она не желала рассказывать о матери. Не хотела говорить, что ее кровь может гореть тем же огнем, и что через несколько часов она может стать такой же, как Эйдан. – Они просто не могут сопротивляться. Ты не понимаешь. Холод захватывает их полностью, и они не могут бороться.

Он ничего не ответил. В повисшем молчании Тана поняла, что сказала глупость. Разумеется, Габриэль тоже однажды заразился и поддался Холоду, он знал это чувство гораздо лучше, чем она.

– Если ты войдешь в Холодный город, – сказала Тана, надеясь сменить тему, – то не сможешь больше оттуда выбраться. Ты уверен, что оно стоит того, за чем бы ты туда ни шел?

– Что это? – неожиданно спросил вампир, убрав одну руку с руля и коснувшись ее руки.

– Где? – Тана посмотрела вниз.

Он провел длинными пальцами по краям шрама чуть ниже ее локтя. Тана не могла понять выражение его лица. Ее кожа казалась такой горячей по сравнению с его прикосновением, словно ее лихорадило.

– Старый шрам, – наконец сказал он. – Ты была совсем ребенком?

– Какая разница? – ответила Тана. Обычно она была осторожна, но сейчас не заметила, как задрался рукав платья.

– Смерти все равно, кого забирать – старика или ребенка, – спокойно сказал Габриэль. – Но у нее есть любимчики. И те, кого она любит, живут вечно.

Тана была рада, что он не стал задавать обычных идиотских вопросов: *«А кто тебя укусил? А я слышал, что когда тебя кусают, то не больно – это правда? Тебе понравилось? Да ладно, не ври. Тебе ведь понравилось, правда?»* Он и так знал большинство ответов.

– Кажется, смерть вернулась за мной, – произнесла она.

Он улыбнулся странной улыбкой, и Тана не заметила, как улыбнулась в ответ.

– И ты снова ее прогнала. Спи, Тана. Я буду защищать тебя от смерти. Я не боюсь ее. Мы с ней так долго были врагами, что теперь ближе, чем друзья.

– Я просто на минутку закрою глаза, – сказала она, – еще даже не поздно.

Она хотела добавить что-то еще, но слова канули во тьму.

Тана проснулась от голосов. Она была в машине одна, лежала на переднем сиденье, подложив руку под голову и упираясь одним ботинком в окно со стороны водителя. Приятный аромат кофе смешивался с запахом бензина. Она замерзла, словно зимней ночью с нее сползло одеяло.

В первое мгновение пробуждение показалось ей приятным. Она вспомнила вечеринку и как переживала, что идет туда одна и наверняка столкнется с Эйданом. Похоже, все так и вышло, она слышала его голос. Были и другие воспоминания, которые сейчас казались ей обрывками кошмара, – чепуха, которая просто не могла быть реальностью. Кровь, пустые глаза и дождь разбитого стекла.

Но тут все вновь обрушилось на нее, заставив мышцы напрячься в предчувствии опасности. Сердце бешено забилося, она выпрямилась на сиденье, зацепив ногами руль.

«Форд» стоял на стоянке в стороне от основной группы машин и грузовиков. Вдалеке виднелось огромное здание. Если верить яркой неоновой вывеске, это был «ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ, ОТКРЫТО КРУГЛОСУТОЧНО». По сравнению с яркими огнями отеля стоянка выглядела еще более темной.

Тана никогда здесь не была, но знала это место не хуже песни «South of the Border»⁵. Многие ребята в школе носили футболки с логотипом отеля или приклеивали на бампер такие наклейки. «Последний приют» был обязан своей известностью тому, что находился рядом с первым Холодным Городом.

Пока она спала, они проехали много километров.

Габриэль сидел на капоте, рядом с бумажным пакетом и стаканчиком, от которого шел пар. Он опустил голову, на его лицо падала тень, и он казался просто немного бледным человеком, а вовсе не монстром. Эйдан стоял рядом, засунув руки в карманы, и говорил с какими-то парнем и девушкой. Должно быть, Холод постепенно овладевал им, но Эйдан умело это скрывал; его выдавал только слегка срывающийся голос. Волосы у парочки были ярко-голубого цвета, как крылья бабочки или жвачка. Тана решила, что это брат и сестра – настолько они были похожи.

– Так вы точно сможете нас подвезти? То есть, спасибо, конечно, но я хочу быть уверен, что вы это серьезно, – сказал парень. Его затылок был выбрит, а оставшиеся волосы торчали как шипы. Глаза у него были подведены черным, и справа над губой виднелась серебряная серьга, похожая на родинку.

– Тут, в этом скучном мире, мы просто ребята с пустыми карманами. Но там, внутри, всё решают услуги и связи. Полночь много с кем познакомилась через свой блог, так что у нас будет неплохая компания. Мы взяли с собой кое-что на обмен, и у нас есть план. И если вы поможете нам, мы поможем вам.

Эйдан улыбнулся.

– Разумеется. – Он бросил взгляд на Тану. Она не знала, стоит ли выходить из машины. Ей не нравилось, что Эйдан пообещал кого-то подвезти. – Мы едем в Холодный город без подготовки, так что провожатый нам не помешает.

Девушка, которую парень называл Полночь, хлопнула Эйдана по плечу.

– Вы действительно безбашенные, – сказала она так, как будто это было высшей похвалой.

Ее волосы – намного длиннее, чем у брата, – с одной стороны падали на лицо, полностью закрывая глаз. На ней были обтягивающие джинсы, синий бархатный топ и потертые, вручную покрашенные голубые балетки. Два кольца в нижней губе и одно в языке позвякивали о зубы, когда она говорила.

– Мы члены интернет-сообщества для тех, кто хочет переехать в Холодный город. Мы все время писали о том, как здорово встретиться со своей судьбой. Взять то, от чего отказываются обычные люди. Мы говорили и говорили об этом, но никто ничего не делал. Мы считаем, что нужно быть готовым умереть и стать не таким, как все. Вы ведь тоже так думаете?

Парень показал пальцем с накрашенным ногтем на Эйдана.

– Ты ведь даже не знаешь его, Полночь. Может, ему просто взбрело в голову туда поехать, а на самом деле он ничего еще не решил. Он может быть под кайфом или пьяный. Посмотри, у него пот на лбу и взгляд какой-то бегающий.

Полночь закатила глаза.

– Как раз то, что нужно сказать человеку, который предложил тебя подвезти, – едко сказала она и повернулась к Эйдану. – Не обращай внимания на Зиму, он всегда осторожничает.

– Так вы готовы умереть, чтобы стать не такими, как все? – спросил Эйдан, и Тана услышала голод в его голосе.

– Конечно, – ответила Полночь. – Я собиралась поехать еще год назад, но Зима сказал, что не хочет остаться шестнадцатилетним. Согласна, это было бы тупо. Мы пришли к компромиссу. Через месяц нам исполнится восемнадцать. Думаю, мы достаточно взрослые.

⁵ «К югу от границы», хит Фрэнка Синатры.

«*Полночь и Зима*», – подумала Тана. Она знала, что имена вымышленные, и что их внешность – плод больших усилий, но они несли свою странную красоту как боевую раскраску. Выглядели они действительно впечатляюще.

Зима опустил глаза, глядя на свои усеянные пряжками высокие ботинки, и нахмурился, как будто ответ Полуночи ему не понравился. От его ремня к карману шла металлическая цепочка. Он крутил ее в пальцах так же нервно, как его сестра прикусывала кольца в губах.

– Я буду писать обо всем в своем блоге, – сказала Полночь. – Так мы будем жить, когда у нас закончится то, что мы везем с собой. У меня на сайте объявлен сбор пожертвований, а еще есть реклама и все такое. У меня и так было много читателей, а когда мы сбежали из дома, их стало еще больше. Сто тысяч человек следят за нашими с Зимой приключениями. Мы поклялись друг другу и им...

– Больше никаких дней рождения! – выкрикнули они почти хором, покраснели и захихикали. Это была их молитва, их священное писание, слова, к которым они относились так серьезно, что стеснялись произносить вслух.

– Так вы планируете умереть и снова ожить? – заговорил Габриэль, все это время сидевший на капоте. Они удивленно посмотрели на него, словно забыли, что он все еще там. Его лицо было в тени, так что они не могли видеть его глаза, но странная неподвижность должна была вызвать какие-то подозрения.

– Я только что написала про нашу «Тайную вечерю», – сказала Полночь, достав телефон и показывая экран Эйдану. При этом она прижалась к нему плотнее, чем было нужно. – Такая традиция. Прежде чем войти в Холодный город, ты ужинаешь в последний раз. Своими любимыми блюдами. Смотри, Зима выбрал пиццу с оливками, картошку с кетчупом и газированный холодный чай. А вот мой ужин – стейк с яичницей и яблочный пирог. Я так волновалась, что смогла съесть только по кусочку того и другого. Ну, знаешь, вроде как последний обед перед казнью.

«Они надеются умереть», – подумала Тана.

Она заметила, как взгляд Эйдана скользит по коже Полуночи. Та действительно была красива: большие темные глаза, голубые волосы, серьги в форме кинжалов. Он ухмыльнулся, будто она сказала что-то очень смешное.

Эйдан собирался укусить ее.

Тана выбралась из машины, с грохотом захлопнув за собой дверь. Все оглянулись. Полночь нахмурилась, недовольная, что их разговор прервали.

– Эйдан, – сказала Тана, – все в порядке?

Он повернулся – вымученная улыбка превратилась в настоящую, – пожал плечами и слегка обнял ее за плечи.

– Полночь, Зима, это моя девушка, Тана.

Полночь сделала шаг назад. Зима одарил Тану взглядом, который ясно говорил, как плохо она выглядит в разорванном грязном платье, с торчащими во все стороны волосами.

– Я не... – начала Тана, пытаясь освободиться из объятий.

– И она волнуется за меня, потому что я болен. Потому что меня укусил вампир. Она боится, что я собираюсь укусить тебя. И правильно делает, потому что я хочу укусить тебя. Очень хочу.

В этот момент Габриэль поднял голову и встретился взглядом с Таной. Он явно был недоволен. Полночь вскинула руку и прикрыла рот ладонью, блеснув облупившимся серебристым лаком для ногтей и кольцами с ониксом.

Зима всмотрелся в лицо Эйдана:

– Это правда, так ведь?

– Его укусили вчера ночью, – сказал Габриэль, наклоняясь вперед, так что волосы упали ему на лицо. – Пока он может себя контролировать, правда, недолго. Но скоро станет хуже. Через день или два его придется связать.

Тана ждала, что Эйдан что-то скажет, но тот молчал. Может быть, он еще не понял, что дальше будет хуже. Тана вспомнила крики матери, доносившиеся из подвала, и вздрогнула. Она вспомнила, как ей было холодно, когда она проснулась. Эйдан умолчал о том, что она, возможно, тоже заразилась. И по какой бы причине он это ни сделал: из вежливости, или просто боялся, что тогда будет выглядеть недостаточно впечатляюще, – Тана была ему благодарна.

– Можно взять у тебя интервью? – спросила Полночь, доставая телефон и открывая какое-то приложение. – Для моего блога. Можешь описать, каково это – чувствовать голод?

– Осторожно, – предупредил ее Зима, положив ладонь на руку, но Тана видела, что девушка не слушает и с раскрытым ртом смотрит на Эйдана, как мышь, влюбленная в змею.

– Ну, давай, – сказала Полночь, полностью утратив спокойствие. Она даже подпрыгивала на месте. – Пожалуйста, я никогда раньше не встречала заразившихся. Мне так интересно, и моим читателям тоже будет дико интересно. Наверное, потрясающее ощущение, когда по твоим венам несется эта сила.

– Кажется, как будто ты опустел, – входя в роль, начал Эйдан и посмотрел в камеру так, будто хотел сожрать зрителей, – внутри тебя только пустота, и только это имеет значение.

– Не могу поверить, – сказала Тана, подходя к Габриэлю. Он протянул ей пластиковый стаканчик, стоявший рядом с ним на капоте. Черная футболка обтягивала его рельефный торс. Рядом с ним лежал смятый бумажный пакет.

– Говорят, долгий сон – лучшее лекарство.

Тана сделала большой глоток кофе. Тот был слишком сладким, и сливок в нем было слишком много. Как будто его сделал тот, кто не знал, каким должен быть кофе, – тот, кто давно не пробовал никакой еды. Она потянулась за пакетом.

– Что там? Пончики?

Он отвернулся, словно не хотел смотреть, как она открывает пакет:

– Возьми. Это тоже тебе.

В пакете оказалось ожерелье из богемских гранатов: часть камней была сплетена в сложный узор, остальные усеивали большой медальон – пустой внутри, золотая застежка сломана, будто его сорвали с чьей-то шеи. Украшение покоилось на куче денег. Бумажки – от доллара до двадцатки и несколько евро – были в чернилах и в каких-то красно-коричневых пятнах; все скомкано, перемешано.

– Где ты это взял? – спросила она.

В этот момент Полночь закричала. Тана резко обернулась, и в тот же миг холодные руки Габриэля сомкнулись вокруг нее. Ледяные пальцы впились в кожу чуть ниже ребер. Тане показалось, что ее схватила бронзовая статуя.

Полночь лежала на земле, телефон валялся рядом. Она отбивалась от Эйдана, который сидел на ней и стягивал бархатный топ с ее плеча. Зима схватил его за руку и попытался оттащить от сестры.

Тана колотила ногами по бамперу машины, чувствуя, как Габриэль поднимает ее в воздух. Он прижал ее к своей гладкой и холодной, как камень, груди и уперся ледяным подбородком в голову.

– Спокойно, Тана, – тихо произнес Габриэль, скользнув щекой по ее волосам так, что его шепот раздался где-то у ее горла. Девушку охватил животный, безграничный страх. Она извивалась, выворачивалась, царапалась, как будто опять оказалась в темном подвале, где мать пыталась в последний раз поцеловать ее холодными губами.

– Тише, – повторил вампир. – Все почти закончилось.

– Нет! – закричала Тана, безуспешно пытаясь вырваться. – Нет, нет, нет! Я должна ему помочь! Отпусти меня!

Неожиданно руки Габриэля разжались. Тана, пошатываясь, едва не падая, отошла от него.

Теперь Зима впился Эйдану в волосы. Голова Эйдана моталась вперед и назад, Полночь упиралась руками ему в подбородок, пытаясь оттолкнуть. Но он был достаточно близко, чтобы щелкнуть зубами в миллиметре от ее кожи. Его ногти впились в ее плечо, оставив на коже глубокие кровавые царапины. Крики Полуночи поднимались в ночное небо.

На мгновение Тана растерялась, потом бросилась к девушке, нагнулась и схватила ее под мышки. Эйдан посмотрел на Тану, и она поняла, что он ждет ее помощи. Она резко потянула Полночь к себе, Эйдан оскалился и зарычал. Он попытался схватить Полночь за ноги, но та изо всех сил пнула его в грудь. Несмотря на то, что на ней были только тапочки, Эйдан рухнул на колени, задыхаясь, и выставил вперед руку в попытке защититься.

Зима схватил Эйдана за шею. Тот на мгновение обмяк, но потом поднял дрожащие, перепачканные в крови руки, собираясь облизать их. Тана прыгнула к Эйдану, схватила за запястья и принялась вытирать его руки о свое платье. Она не знала, хватит ли этой крови, чтобы стать вампиром, но желания рисковать у нее не было. Эйдан засмеялся, смех звучал приглушено из-за того, что Зима сжимал его горло.

Полночь тихо всхлипывала. Кровь пропитала ее порванный топ, синий бархат стал черным.

Тана взглянула на Габриэля. Тот загадочно смотрел из-под полуприкрытых век.

– Ты ничего не сделал, – сказала она, ткнув дрожащим пальцем в его направлении. Он слегка наклонился в сторону места потасовки, как дерево на ветру, словно Тана поманила его к себе. – Ты мог бы остановить его, но ты просто сидел и смотрел.

– Зараженный, но не обратившийся подвергается в Холодном городе большой опасности. – Габриэль произнес это ровным голосом, но что-то в медленном движении его губ говорило: запах крови и борьба с Таной пробудили в нем голод. – Нужно было позволить этому случиться. Каждый новый вампир в Холодном городе – это лишний рот, а доноров не так уж много.

– Зараженный везде в опасности, – сказала Тана. – И я не хочу, чтобы он умер.

– Рано или поздно мы все умрем, – произнес Габриэль, не сводя глаз с Эйдана. Но потом наклонился и поднял с земли стаканчик с кофе, и остатками ополоснул его пальцы. Тана опустилась на колени на прохладный асфальт и принялась тщательно чистить ногти Эйдана, чтобы под ними не осталось ни капли крови Полуночи.

– Зануда, – тихо сказал Эйдан. Его волосы взмокли от холодного пота. Он улыбнулся Габриэлю и бессильно поник головой, давая понять, что больше не будет сопротивляться.

– Ты у меня в долгу, – сказала ему Тана. – И надеюсь, ты понимаешь, насколько велик твой долг.

Лицо Габриэля, склонившегося над ними, больше не скрывалось в тени, в его глазах отражалось сверкание вывески торгового центра, его кожа была слишком бледной, чтобы принадлежать живому человеку. Зима вскочил, бросив Эйдана и отступив от вампира.

– Что-то не так? – спросил Габриэль. Эйдан потянулся, глядя на звезды.

Полночь, пошатываясь, встала на ноги и вытерла слезы, размазав тушь. Потом она увидела Габриэля и застыла на месте точно так же, как ее брат.

– Красные, как розы – да, это натуральный цвет моих глаз. Разве вы не этого искали? – Габриэль улыбался во все зубы. – Я был тут все время, ждал, пока меня заметят. И я могу дать вам то, чего вы хотите. Могу подарить вечное забвение.

– Хватит, – сказала Тана, стукнув его по плечу. Она вела себя так, будто он обычный человек, которого не стоит бояться, и надеялась, что он тоже забудет о том, насколько опасен. И продолжала притворяться, что контролирует ситуацию. – Прекрати сейчас же. С меня хватит!

Ее слов оказалось достаточно, чтобы Зима опомнился. Он положил руку на неповрежденное плечо сестры.

– Пойдем, тебе нужно к врачу.

– Я не пойду в больницу, – пробормотала Полночь. – Мне нужны только бинты, а их мы можем достать *внутри*.

– Дженни, – настаивал Зима. – Пожалуйста. Давай вернемся домой.

Она метнула на него гневный взгляд:

– У нас есть все, что нужно. И никогда не называй меня этим именем! Никогда!

Тана посмотрела на Эйдана, все еще смотревшего в небо затуманенным взглядом. Он дышал чаще, как будто не мог вдохнуть полной грудью. Одной рукой он держался за сердце. Кажется, он даже не услышал, когда Тана тихо позвала его по имени.

– Иди с ними, – сказал Габриэль, садясь рядом с Эйданом и закатывая рукав. – Если ты хочешь, я не дам ему пить кровь живых, но нет никаких причин запрещать пить кровь мертвых. Это заглушит голод. Иди, Тана. Мы будем ждать тебя здесь.

Она послушалась.

Глава 10

*Когда померкнет белый свет,
И кажется – надежды нет,
Мир «Уходи!» нам говорит.
Могила же к себе манит.*

Артур Гитерман

Прошлой зимой – еще до того, как Тана пропала и, вероятно, заразилась, до того, как Перл начала сходить с ума от страха за сестру, от которой не было вестей, – в школе было общее собрание, посвященное проблеме вампиров. Седьмой и восьмой классы учились в отдельном здании, но пришли все до одного.

Перл спустилась по ступенькам, вытянула шею и стала высматривать сестру. Ученики выпускных классов были гораздо старше нее и казались громкими и пугающими. У некоторых парней была щетина, а девушки одевались так, будто уже учатся в колледже. Утром, когда Перл натягивала свою джинсовую юбку и гольфы, зашнуровывала новенькие ярко-розовые кеды со стразами и собирала волосы в хвост, она думала, что выглядит мило, но теперь чувствовала себя совсем ребенком.

– Перл! – в шуме толпы раздался крик. Обернувшись, она увидела Тану и Полину, они махали ей с другой стороны зала. Тана сложила руки рупором:

– Иди к нам!

Перл посмотрела на своих одноклассников, которые послушно шествовали в первые ряды, а потом решительно протиснулась мимо старших и села рядом с сестрой.

– Я должна быть там, – указала Перл на свою учительницу.

– Здесь будет веселее, – пообещала Полина, заговорщически улыбаясь.

На ней было черно-белое платье в полоску, ярко-оранжевые ботинки и винтажная розовая шляпка с вуалью. Странно было наблюдать за Полиной и Таной в школе – как будто смотришь на ту часть Таны, которую обычно не видно. Дома Тана готовила еду, когда папа забывал (это случалось достаточно часто), хотя знала всего три рецепта (спагетти, салат с куриной котлетой и буррито), умела заплетать косички и при этом не слишком сильно тянуть за волосы (но только если речь шла о французских косичках) и могла починить все что угодно (раковину, унитаз, любимую чашку). В школе она становилась другим человеком: расхаживала в высоких ботинках и кожаной куртке, училась вместе с мальчиками ремонтировать машины и смотрела на всех (кроме Перл и Полины) так, будто собиралась им врезать.

Тана и Полина откинулись на стульях, улыбаясь друг другу через голову Перл. Это выглядело загадочно.

– У нас сегодня особый гость, – сказала директор Вонг своим обычным тоном, в котором слышалось обещание: всякий, кто опозорит школу при госте, горько пожалеет об этом. – Сегодня мы услышим рассказ человека, оказавшегося в Спрингфилде, когда город изолировали. Ясира Баэз, спасибо, что согласились прийти и поделиться с нами своей историей. Давайте поприветствуем ее – как принято у нас в Астелл-риджинал!

Раздались громкие аплодисменты и саркастические восклицания с задних рядов. Перл наклонилась вперед, чтобы достать из сумки тетрадь и ручку, которая пахла клубникой.

На сцену вышла маленькая мексиканка в джинсах и бледно-желтой кофте. Она выглядела, как чья-то бабушка.

– Я расскажу, как все случилось. Когда военные окружили город, я ехала в Спрингфилд, чтобы забрать оттуда сестру моей бабушки. Она жила в доме престарелых и была слишком стара, чтобы вести машину. Я услышала, что военные хотят объявить карантин, но подумала, что успею ее забрать. К сожалению, мы остались внутри. Я прожила в Холодном городе два долгих года, пока не сумела найти деньги, чтобы купить себе метку у охотника на вампиров. Без помощи моей церкви у меня бы ничего не получилось, так что теперь я выступаю всюду, куда меня пригласят, чтобы вернуть долг общине.

У меня часто спрашивают, похожи ли вампиры на нас. Знаете, я играла с вампирами в шашки и сидела с ними на крыльце. Они очень похожи на людей, которыми были раньше. Но они уже другие. Вампиры – хищники, а мы – добыча. И забывать об этом нельзя.

Она очень серьезно посмотрела на собравшихся:

– В цирке есть дрессированные тигры, их учат прыгать сквозь горящий обруч. Я уверена, что дрессированный тигр очень ласков со своим дрессировщиком. Тычется ему в живот своей огромной головой. Валяется на спине, как домашняя кошка. Но если тигр проголодается, то съест дрессировщика, с которым только что был так мил.

Кто-то нервно засмеялся. Тана не смеялась. Полина встревоженно посмотрела на нее.

– Не знаю, все ли вы знаете основную информацию, так что на всякий случай повторю. Инфицированные люди – те, в чью кровь попала кровь вампира и кто чувствует Холод, – не могут инфицировать других. Они заражены, но не заразны. Понятно?

– Естественно, – вполголоса сказала Полина.

– Иначе весь мир заполонили бы вампиры, – продолжила миссис Баэз, повторяя то, что считала основной информацией.

Перл почти все это знала – или, во всяком случае, ей казалось, что она это слышала. Симптомы появлялись в промежутке времени от двенадцати часов до двух суток после укуса. Иногда людей успевали спасти до того, как зубы полностью войдут в плоть, тогда они переносили Холод в легкой форме.

Очень немногие обладали достаточно сильным иммунитетом, чтобы побороть инфекцию. Миссис Баэз рассказала об охотнике из Индонезии, которого кусали восемь раз. Его кожа была покрыта шрамами, но он так и не заразился. Охотник говорил, что все это благодаря коктейлю из змеиной крови, арака⁶ и капли зараженной человеческой крови, который он пил каждое утро. Он думал, что неуязвим, пока его не укусили в девятый раз; он заразился и вскоре после этого стал вампиром.

Перл заметила, что Тана потирает руку там, где ее укусила мама. Свой большой шрам она иногда прятала, а иногда выставляла напоказ, будто говоря: «Давай, спроси меня об этом». Несколько лет назад бабушка с дедушкой отвели Перл в сторону и сказали, что у Таны могут быть проблемы с головой из-за мамы, и Перл должна за ней присматривать. Перл не всегда понимала, что это значит. Но сейчас она наклонилась к Тане и сжала ее руку.

Тана ответила на ее пожатие.

Бабушка с дедушкой не понимали, что у Таны проблемы не из-за мамы, а из-за папы. Если бы тот дал маме немного крови, вместо того чтобы запирать в подвале, ничего бы не случилось. Мама была бы жива, у Таны не было бы шрама, и все они были бы счастливы. Они могли жить в Холодном городе или переехать в Амстердам – вампиры там по-прежнему были вне закона, но никто на это не обращал внимания.

– Иногда все происходит очень быстро, – продолжала миссис Баэз. – Даже если симптомы не проявились, кровь вампира уже готовит тело к обращению. Как только зараженный выпьет человеческой крови, он станет вампиром. Обычно смерть наступает меньше чем за час, а через пятнадцать минут он снова встает – с новыми зубами, новыми мышцами и голодом

⁶ В Индонезии араком называют крепкий бренди на основе рисового или пальмового вина.

новорожденного вампира. На превращение уходит много сил, и вампир не в состоянии себя контролировать, пока не утолит голод. Держитесь подальше от новорожденных вампиров, как бы хорошо вы ни знали их при жизни.

Миссис Баэз подошла к краю сцены.

– Давайте я научу вас умному слову. Кто из вас знает, что такое отвращающие предметы?

Перл не знала, но какой-то мальчик сзади крикнул: «Это все, что не любят вампиры!»

Шиповник. Чеснок, иначе – «зловонная роза». Священные предметы. Проточная вода. Боярышник. Перл уже знала все это из рассказов Хемлока в его шоу. Хотя, если верить миссис Баэз, некоторые из этих оберегов не действовали. Живя в Холодном городе, она пару раз пыталась отпугнуть вампира священным символом, но неудачно.

– Спорим, они запретили ей рассказывать обо всяких странных вещах, – шепнула Полина. – О людях, которые пьют кровь животных, чтобы остаться человеком, или пьют собственную кровь. О людях, которые месяцами хлещут виски, чтобы побороть голод.

– Это правда? – шепнула в ответ Перл. – Это помогает?

Тана пожала плечами.

– Люди пьют даже кровь вампиров, если могут ее достать, – продолжила Полина таким тоном, как будто рассказывала страшную историю. – Говорят, в Европе есть охотники, которые подсели на нее. Но она не помогает, просто не дает заразе развиваться. Это просто отдалает начало болезни, и все.

– А теперь задавайте вопросы, – сказала миссис Баэз. – Не могу обещать, что отвечу на все, но постараюсь рассказать, что знаю.

– Почему они не выпускают из Холодного города людей, если те хотят уехать? – спросила одна девочка. – Если они не заразились, то какая разница, где им жить?

– Дело в деньгах, – ответила миссис Баэз. – Правительству дорого обходится содержать Холодные города и проводить анализы, перед тем как кого-то оттуда выпустить. Деньги надо откуда-то брать, так что их приходится вычитать из средств, отпущенных на плату охотникам. Кроме того, правительство не хочет, чтобы все люди выехали. Если они уедут, что вампиры будут есть? Себе подобных? Тогда они вырвутся наружу.

– Посмотри на директрису, – шепнула Полина. – Она чуть не взорвалась от злости.

– Вы злились, когда вас там заперли? – спросил кто-то из мальчиков.

Миссис Баэз пожала плечами:

– Я уже давно перестала злиться. Мир таков, каков есть, я могу исправить только небольшую его часть. И я делаю это, рассказывая детям правду, чтобы они не верили всему, что пишут в интернете.

Оттуда, где сидели учителя, раздался взрыв смеха.

Вдруг Тана подняла руку. Сердце Перл бешено забилося от страха. Он боялась того, что могла сказать ее сестра.

– Да? – отозвалась миссис Баэз.

Тана встала.

– А могут вампиры пить кровь друг друга?

– Что ты имеешь в виду?

– Если все люди умрут, или если вампиры съедят всех в Холодных городах и не смогут выбраться наружу, могут они пить кровь друг друга?

Миссис Баэз кивнула.

– Хочешь знать секрет? Кровь другого вампира – это лакомый кусочек. Убивая своих собратьев, они получают их силу. Так что да, вампиры могут пить кровь вампиров.

– Почему? – вырвалось у кого-то из учителей.

Перл никогда раньше не слышала ничего подобного и была удивлена.

– Это похоже на токсины, накапливающиеся в животных. К примеру, на низшем уровне пищевой цепочки токсинов очень мало... Например, в одной травинке их содержится совсем немного. Но если мышка съест много травинок, токсины из каждой окажутся в ней. Потом хищная птица съедает десяток мышей и получает все токсины, которые содержались в них. А вампиры забирают силу тех, чью кровь они выпили. И тогда понятно, почему чем старше вампир, тем он сильнее. И тем больше другой вампир может получить, выпив его кровь.

– Мы им не нужны, – прошептала Перл. Она представила себе мир, в котором нет никого, кроме вампиров с красными глазами и ледяной кожей.

– Нужны, потому что у них не может быть детей, – ответила Полина. – Без новых людей не будет новых вампиров.

– Но почему. – спросила Тана. Она так и не села обратно и не подняла руку, чтобы задать новый вопрос. – Почему они не могут есть друг друга и оставить нас в покое?

Директор Вонг встала, чтобы сделать Тане замечание, но миссис Баэз не обратила на это внимания.

– Они делают это, девочка. Едят друг друга. Едят нас. Едят все. Они выпьют весь мир, если мы им позволим.

Глава 11

*Смерть правит миром:
Это лес, где жизнь плодится ей на пищу,
И крики боли услаждают ее слух.*

Джордж Элиот

«Последний приют» оказался огромным торговым центром – такого большого Тана раньше не видела. А многих услуг из тех, что предоставляли здесь, в других торговых центрах никогда и не было. Здесь можно было принять душ за доллар, купить консервы, траурное платье или плащ из черной, лиловой или серебряной ткани. Еще здесь была аптека, часовня для представителей разных религий, пять ресторанов, три бара, ночной клуб и даже камера хранения, так что те, кто приезжал на автобусе, могли оставить тут вещи и спокойно ходить по магазинам или спать в похожих на гробы кабинках капсульного отеля. Из динамиков доносились евротранс-ремиксы похоронной музыки, а дверь каждого магазина украшала одна и та же надпись, мерцавшая неоновыми буквами или написанная от руки: «Открыто 24 часа».

У Таны закружилась голова: после ужасов последних двенадцати часов так странно было оказаться в безопасном, ярко освещенном месте... Середину торгового центра занимала шестиугольная комната с блестящим черным полом, скамейками под черное дерево и скульптурой в виде пронзенного деревянным колом большого сердца из красного хрусталя. На стенах висели экраны, и на каждом шла какая-нибудь популярная передача из спрингфилдского Холодного города. На одном золотоволосый вампир Люсьен Моро учил девушку танцевать вальс; на другом рыжая вампирша рассказывала, как провела ночь, а юноша-человек, прижимаясь к ее бледной коже, предлагал трубку, подсоединенную к торчащей из его запястья игле.

Туристы останавливались посмотреть на экраны. Фотографировались на фоне хрустального сердца, приобняв друг друга за плечи и неестественно широко улыбаясь. Усталая женщина средних лет раздавала розовые листовки всем, кто проходил мимо.

– Вы не видели мою дочь? – снова и снова спрашивала она. – Ей всего двенадцать. Пожалуйста, я знаю, что она была здесь. Вы не видели ее?

Поначалу людям моложе шестнадцати лет доступ в Холодный город был закрыт, но однажды охрана отказалась пропустить девятилетнюю девочку, не поверив, что ее укусили. Но девочка не врала, и погибли люди. Тесты, позволявшие определить инфекцию, стоили дорого, и приходилось полагаться на слова инфицированных, чтобы карантинная зона не потеряла смысл. После случая с той девочкой в Холодные города стали пускать всех – любого возраста и без доказательств.

Тана посмотрела на женщину, на ее усталое лицо и на листовки с изображением улыбающейся девочки. Та напомнила ей Перл. Интересно, что эта девочка ожидала увидеть по ту сторону ворот.

Ничего не замечая вокруг, мимо прошла Полночь и упала на скамейку. Обеими руками она прижимала лохмотья топики к глубоким царапинам, пытаясь остановить кровотечение.

– Я принесу бинты и все, что нужно, – сказал Зима. – Жди здесь. А ты побудь с ней, – он мрачно посмотрел на Тану.

Тана кивнула. Зима пошел к аптеке, дважды оглянувшись по дороге. Его ботинки грохотали по гранитному полу, как копыта. Мимо проходили какие-то молодые люди с рюкзаками; они остановились, уставившись на окровавленную одежду Таны и на Полночь, которая с лицом, покрытым размазанной тушью, держалась за свое кровоточащее плечо.

– Что надо? – огрызнулась Тана, как это сделала бы на ее месте Полина, и мальчишки поспешили дальше. Полночь криво улыбнулась.

– Мне жаль, что так вышло. Что тебя ранили, – сказала Тана.

– Как ты оказалась в их компании? С Эйданом и этим... другим? – спросила Полночь. В свете белых ламп ее обветренные губы казались синеватыми.

– Я была на вечеринке. Все остальные умерли, – ответила Тана. Она не ожидала, что ее слова прозвучат так просто и так страшно.

– Об этом, кажется, говорили в новостях! Это ведь случилось на севере штата?

В новостях? Тана не сразу поняла, о чем она говорит. Ей казалось, что случившееся касается только ее.

– Не знаю. Возможно.

– Правда? Вот это да! Я читала в твиттере и видела фотографии. Ты действительно там была?

Тана кивнула, не зная, что еще сказать. Слова, которые приходили на ум, не казались ей подходящими.

– Круто, – воскликнула Полночь. – А ты спаслась. Это главное.

– Ну да. Можно сказать, что мы спаслись.

– Сделай кое-что для меня, – Полночь вытащила из кармана телефон, на экране которого появилась царапина от падения на асфальт. – Подержи его, пожалуйста. У меня в сумке есть штатив, но я не хочу его доставать. Показывать все, как оно есть – вот что я обещала моим подписчикам. Просто постарайся держать телефон, чтобы картинка не тряслась.

– Хорошо. – Тана была немного шокирована. Не то чтобы ей раньше не приходилось снимать видео; Полина часто просила об этом, когда готовилась к прослушиваниям, да и дурачащихся друзей она тоже снимала. Но никогда раньше она не делала ролик с кем-то, кто истекал кровью после нападения вампира.

– И ты тоже что-нибудь скажи. Нет, правда. Ты просто должна. Всем интересно, как ты себя чувствуешь.

Тана покачала головой. При одной мысли о том, что придется рассказывать о пережитом, ее накрыло тяжелыми воспоминаниями. Уставившиеся на нее мертвые глаза. Шепот за дверью. Падение на асфальт на заправке и возвышающийся над ней Эйдан.

– Я и сама не знаю, как я себя чувствую.

– Тогда попозже, – Полночь протянула Тана телефон. – Как я выгляжу?

Тана не знала, что ответить. Полночь выглядела бледной и красивой, а еще исцарапанной и окровавленной.

– Нормально, – Тана выбрала нейтральный ответ.

– Думаю, это сработает, – Полночь скривилась от боли, откидывая разодранный воротник топа так, чтобы в кадр попали царапины. Все еще блестящие от крови и воспаленные, выглядели они жутко. – Умеешь пользоваться этой штукой?

Тана коснулась пальцем маленького изображения видеокамеры в нижней части экрана.

– Думаю, да. Ты не боишься, что родители это увидят и скажут копам, где вы? Ну, вы же все-таки несовершеннолетние...

Полночь фыркнула:

– Родители не в курсе, чем мы занимаемся в интернете. У них на это ума не хватает. Они совсем не такие, как мы. Поверь, когда они поймут, что случилось, нас тут давно уже не будет.

– Ладно, – ответила Тана и включила камеру.

– Привет, – сказала Полночь, глядя в камеру странным пристальным взглядом. – Это снова я, верная служительница ночи, путешественница и безумная поэтесса. Как много всего произошло с тех пор, как я выходила на связь в прошлый раз! Мы с Зимой остановились на отдых недалеко от Холодного города и через несколько часов окажемся *внутри*. Все именно

так, как мы верили – если ты следуешь своему самому потаенному, самому правдивому, самому темному желанию, Вселенная расчищает для тебя путь. Мы встретили людей, предложивших нас подвезти. Вы, возможно, видели их в новостях – но об этом позже. Сначала я должна рассказать, что произошло со мной.

В этот момент вернулся Зима с бинтами и лекарствами. Полночь попросила Тану продолжать снимать, пока брат обрабатывает раны антисептиком и закрепляет марлю пластырем. Все это время она продолжала говорить, глядя в камеру, даже когда ей было больно. Закончив, она проглотила пару таблеток аспирина, а затем сказала, что должна отредактировать видео и выложить его в блог.

Тана не могла не восхищаться тем, как девушка сумела превратить случившееся в историю безумных приключений, часть Легенды о Полночи. Из страшного происшествия получилось приключение, которому можно позавидовать. Она вполне могла представить, как сама смотрит это видео и думает, как же этой девушке повезло и какая она смелая. Но, стоя рядом с Полночью и зная правду о случившемся, Тана понимала, что Полночь рассказывала историю не зрителям, а себе самой, сглаживая самые страшные места, чтобы было не так страшно.

Очень зря, подумала Тана. Потому что все это на самом деле страшно.

– Здесь бесплатный вай-фай. Пойду поставлю ноутбук на зарядку, – Полночь махнула рукой в сторону фуд-корта, забрала у Таны телефон и направила камеру на нее. Сработала вспышка. – Найдешь меня там, когда закончишь с делами. Ты же не против, да? Тебе ведь не пришлось ничего говорить.

Тана знала, что выглядит ужасно, но плохое фото в интернете беспокоило ее меньше всего. Она устала, замерзла и боялась, что вот-вот сорвется. Заметив, что чувствует металлический запах крови Полночи, Тана задумалась, не первый ли это симптом болезни. Или все в порядке, и ей просто нужно взять себя в руки.

– Я в норме, – Тана взглянула на витрину с футболками, – пойду приму душ.

Зима улыбнулся ей почти дружелюбно, в первый раз с тех пор, как Эйдан напал на его сестру.

– Хорошая мысль. Как знать, есть ли внутри горячая вода.

Тана хотела сказать, что еще не уверена, поедет ли она в Холодный город, но подбирала слова слишком долго и в конце концов почувствовала себя глупо. Вместо этого она неловко попрощалась.

В магазине сувениров продавались вульгарные и дешевые поделки вроде рюмок, наклеек на бампер и множества футболок – детских с надписью «ПРИМАНКА ДЛЯ МЕРТВЕЦОВ», а также больших черных с надписями вроде «В ПОСЛЕДНЕМ ПРИЮТЕ ПО НОЧАМ НЕ СПЯТ», «Я КУСАЮ НА ПЕРВОМ СВИДАНИИ», «МЕРТВОЕ ПОКОЛЕНИЕ», «НИЧТО – ЭТО НОВОЕ ВСЕ» или «Я ПРЕДПОЧИТАЮ КОФЕ С ТВОЕЙ КРОВЬЮ». Здесь были зеркала с подрисованными ранами и струйками крови, и когда ты смотрелся в такое зеркало, казалось, что тебя только что укусили. А еще подвески со словом «Холод» из крупных закругленных букв.

Когда Тана подошла к кассе, пожилая дама с короткими седыми волосами расплачивалась за консервы и пакет таблеток для очистки воды. На ней был черный костюм – вполне возможно, от Шанель, – а в руках она держала трость с золотым набалдашником, украшенную перламутровыми розами.

Дама стояла, согнувшись, и напоминала стервятника.

– Что? – обвиняюще спросила она кассира, глядя на него немигающим взглядом воспаленных голубых глаз. – Думаете, смерть только для молодых?

Тана ушла до того, как услышала ответ кассира. В следующем магазине она увидела вешалку с кружевными шелковыми ночными рубашками. Модели назывались «Разбитая невинность», «Смятый цветок» и «Разрезанное яблоко греха». Тана нашла симпатичное голу-

бое платье, которое подошло ей по размеру, но оно стоило сто двенадцать долларов, и она не могла его себе позволить. У нее оставались при себе все те же сорок долларов. Пакет с деньгами, который ей дал Габриэль, остался на земле, рядом с машиной. Тана надеялась, что он все еще там. Если она собирается где-то спрятаться и следующие два дня ждать, не проявятся ли симптомы, ей понадобятся деньги, и неважно, откуда они взялись. И они определенно ей понадобятся, если она собирается в Холодный город вместе с остальными.

В конце концов в дальнем углу магазина обнаружилась вешалка с уцененной одеждой. Она сумела найти платье без бретелек из жатой серой ткани, примерно на размер больше, чем надо, за двадцать пять долларов. Тана купила его вместе с самым дешевым комплектом белья – алым, с дурацким черным кружевом и идиотским бантиком, – прибавив еще десятку.

Скучающий кассир, мужчина с огромными серебряными серьгами и татуировкой в виде змеи, обвившейся вокруг шеи, пробил чек и взял деньги с явным презрением. Тана понимала, что платье без бретелек выглядит чересчур откровенно, но не собиралась появиться перед вампирами в пижаме с дурацкой надписью. Одежду, в которой она была сейчас, ей хотелось просто сжечь.

Она взяла блестящую сумку с покупками, завернутыми в фиолетовую бумагу, и пошла в душ. Заплатила доллар за пятнадцать минут в отдельной кабинке и три доллара за пакетики с шампунем и гелем, крохотный набор из зубной пасты и щетки, а также полотенце размером немногим больше тряпки для посуды, которое нужно было вернуть.

В холле снаружи, где девушки и женщины сидели на скамейках, завязывая кроссовки и приводя себя в порядок, висело зеркало. Тана посмотрела на свое отражение, словно девушка напротив была другим человеком, которого она никогда не знала. В ее давно нечесаных черных волосах запутались листья и веточки, синяки под глазами выглядели так, будто ее кто-то бил, хотя виной всему была усталость. Размазавшаяся тушь только усугубляла картину. Голубые глаза казались серыми в резком свете ламп. Когда-то белое платье выглядело именно настолько ужасно, насколько она думала: потеки крови, грязь, а на подоле, там, куда попал имбирный эль, – коричневые пятна. Как минимум в двух местах были дыры, а высокие ботинки забрызганы грязью.

Но хуже всего выглядело лицо. Она заставила себя улыбнуться, но получилось неважно. Когда-то она видела в журнале подборку старых полицейских фотографий, и на одну из них – фотографию девушки – смотрела особенно долго. С той девушкой было что-то не так. Теперь Тана увидела в зеркале ту самую незнакомку. И она не выглядела как человек, у которого все в порядке.

Зайдя в кабинку, Тана повесила полотенце и сумку с одеждой на самый дальний от душа крючок, сняла ботинки, связала шнурки вместе и повесила рядом. Потом стянула с себя мамино кружевное платье и белье, бросила в угол. Мышцы затекли и болели, пальцы не слушались.

Когда горячая вода коснулась кожи, Тана застонала от удовольствия.

Она дважды вымыла волосы и тщательно разобрала их пальцами, отскребла кожу ногтями, стараясь отмыться как следует. Вода закончилась ровно через пятнадцать минут, и Тана прислонилась к кафельной стенке. Ее сердце бешено колотилось, но теперь все было в порядке.

Она больше не чувствовала озноба, не хотела напасть на женщину в соседней кабинке, ничего. Да, она устала и по-прежнему была напугана, но во всем остальном чувствовала себя как обычно. С ней все было в порядке.

Она подумала об Эйдане там, на стоянке, и о Габриэле, закатавшем рукав. Если Эйдан выпил достаточно его крови, ему может ненадолго стать лучше, но это временная мера.

Прошло почти семь часов с того момента, как ее ногу оцарапали зубы вампира. Слишком рано утешаться мыслью, что все обойдется, но Тана поняла, что надеется несмотря ни на что. Она представила себе свою комнату, представила, как лежит, свернувшись, в своей кро-

вати, и кошка спит у нее в ногах, а Перл в соседней комнате делает уроки. Она представила, как через окна льется яркий свет, как звонит телефон. Она берет трубку, и Полина зовет ее в бильярдную, где работает тот симпатичный парень – прошлым летом они играли в дарты и посматривали на него между бросками. Она вспомнила, что когда Полина и этот парень наконец начали встречаться, все – включая Эйдана, – пришли туда и кидали в доску не только дарты, но и все, что подворачивалось под руку: кухонные ножи, вилки и даже осколки стакана, который кто-то разбил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.